

Иван Оченков

СТРЕЛОК

МИТРАЛЬЕЗЫ

ДЛЯ БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Иван Оченков

**Стрелок. Митральезы
для Белого генерала**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Оченков И. В.

Стрелок. Митральезы для Белого генерала / И. В. Оченков —
«Издательство АСТ», 2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-138349-7

Вся Средняя Азия покорилась русскому оружию, и только воинственное племя текинцев, укрывшееся от гнева русского царя в самом сердце пустыни, беспокоит набегами своих соседей. Но готовится новая экспедиция под командой ставшего уже легендарным Белого генерала – Михаила Дмитриевича Скобелева, для которого нет неразрешимых задач! И именно в его отряд попал наш современник Дмитрий Будищев, успевший стать известным изобретателем. Пулеметы его конструкции станут весомым аргументом в затянувшемся споре с привыкшими разбойничать абorigенами. В походе его ждут многочисленные приключения, подвиги и, может быть, новая любовь. Только вот что делать со старой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138349-7

© Оченков И. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Иван Оченков

Стрелок. Митральезы для Белого генерала

© Иван Оченков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Что представляет себе простой обыватель, услышав слово «пустыня»? Ровную как стол местность, сплошь засыпанную песком и лишенную признаков какой-либо растительности. Караван величественных верблюдов, гордо шагающих от одного оазиса до другого. И жару. В последнем они, впрочем, совершенно не ошибаются. Жара стоит до того страшная, что когда столбик ртутного термометра у доктора Студитского опускается ниже сорока градусов по Цельсию, кажется, что уже почти прохладно. Сам Владимир Андреевич Студитский был еще молод, здоров и переносил тяготы походной жизни с поистине стоической выдержкой. В Ахал-Текинскую экспедицию он отправился добровольно и совершенно об этом не жалел. Кроме разве что одного. Ему до сих пор не удалось побывать в деле, иначе говоря, в бою.

Несмотря на принадлежность к одной из самых миролюбивых и гуманных профессий, он просто рвался поучаствовать в какой-либо заварухе. К слову, это далеко не первая его война. Окончив в 1875 году медицинский факультет Петербургского университета, он отправился в Черногорию, затем Сербию, принимал участие в последней русско-турецкой кампании, спас на операционном столе множество жизней, собрал богатейший материал о способах лечения огнестрельных ран и ожогов. И, несмотря на столь большой для человека его лет опыт, и не подумал успокаиваться на достигнутом, и при первой же возможности ввязался в новую авантюру, присоединившись к экспедиции в Геок-Тепе.

С Михаилом Дмитриевичем Скобелевым его связывала давняя дружба, но несмотря, а возможно и благодаря этому, он пока не получил никакого назначения, оставаясь при штабе генерала кем-то вроде врача для особых поручений. Во всяком случае, так его иной раз называли отрядные острословы.

– В-ваше благородие, – появился перед доктором запыхавшийся солдат-посыльный и остановился, с трудом переводя дух.

– Что тебе, братец? – с приветливой улыбкой отозвался врач.

– Так что, их превосходительство просят вас поскорее прийти, – прохрипел тот, вытирая пот с разгоряченного лба.

– Сейчас буду, – кивнул Студитский и зашел в палатку, чтобы привести себя хотя бы в относительный порядок и надеть сюртук.

Одеваясь, он по привычке окинул взглядом свое походное жилище и на мгновение нахмурился. Крышка сундука оказалась неплотно закрыта, что для немного педантичного доктора было совершенно не типично. Откинув ее в сторону, молодой человек покачал головой и, набрав в легкие побольше воздуха, закричал:

– Трифон!

– Я здесь, вашбродь! – материализовался перед ним денщик – нескладный солдат из нестроевых.

– Ты что же это, опять брал мои вещи?

– Как можно-с! – оскорбился тот.

– Как обычно-с! – передразнил его врач. – Говори, каналья, где теперь мои аптекарские весы?

– Не могу знать.

– А вот я могу!

– Конечно, можете, они ить ваши!

– Мерзавец, ты опять отдал их этому несносному моряку? Ты хоть понимаешь, что они предназначены для взвешивания лекарственных препаратов? Что от их верности, быть может, зависит чья-нибудь жизнь?

– Понима... то есть никак нет, вашбродие, – помотал головой Трифон. – Как есть не брал!

– Ты что, пьян?

– Нет.

– Дыхни!

Денщик с видом христианского мученика перед Нероном поднял вверх глаза и изобразил легкий выдох, в котором явственно присутствовали пары сивушных масел.

– Напраслину возводите, вашбродь! – горестно заявила жертва произвола. – Уж сколько недель не то чтобы не пил, а и не видел...

– Нет, это невыносимо, – возмутился столь вопиющей наглости доктор. – Вот сейчас пойду к Скобелеву и потребую, чтобы тебя перевели в роту к стрелкам. Там тебе быстро объяснят, что брать чужое нехорошо!

– Да что вы, барин, – испугался денщик, совершенно не ожидавший от обычно доброго, мягкого и деликатного врача подобной решительности. – Нешто у их превосходительства иных дел нет, как только мной, горемычным, заниматься. Да вы посмотрите лучше, ить все ваши вещички в целости и сохранности! А ежели крышка не так закрыта, так это я, пыль когда протирал, ненароком задел. Ить ваше благородие не раз говорило, что чистота должна быть, вот я и расстарался, значит...

– Значит, пыль протирал? – демонстративно провел пальцем по крышке сундука Студитский.

– Так ить пустыня, песок кругом, – развел руками поборник чистоты. – Рази уберешься?

– Прочь с глаз моих! – не выдержал врач. – Вернусь, поговорим.

– Как прикажете, а я вам к тому времени ужин спроворю! – с угодливой улыбкой провожал врача денщик, а как только тот удалился на достаточное расстояние, добавил сварливо: – Нашли из-за чего шум поднимать, вон у саперов давеча десять фунтов динамиту пропало, и то ничего... а тут шуму-то, шуму... Тьфу!

Генерал-адъютант Скобелев со своим штабом располагался в большой кибитке, разбитой в центре лагеря. От жилищ большинства штаб- и обер-офицеров она отличалась лишь размерами и караулом из осетинского горского дивизиона. Командовавший караулом урядник Абадзиев хорошо знал Студитского и потому пропустил без проволочек.

– У меня к тебе дело, – без обиняков начал генерал, заметив давнего приятеля.

– Рад быть полезен вашему превосходительству...

– Оставь эти церемонии, не до них теперь.

– Слушаюсь.

– Ты слышал о недавнем нападении на курьеров?

– Третьего дня у Бендессенского перевала?

– Именно.

– Да. Кажется, там погиб казак, а сопровождавшие его джигиты сумели ускакать.

– Все так, но есть некоторые сомнения в правдивости показаний этих самых джигитов.

– Чем я могу помочь?

– Нужно провести вскрытие и извлечь пулю из покойного казака. Полагаю, ты сможешь определить, с какого расстояния и из какого оружия она выпущена?

– Думаю, да.

– Отлично. Из Бами в Ходжам-Калу завтра выступает рота Самурского полка. Поедешь с ними.

– С пехотой! – наморщил нос Студитский. – Эдак мы неделю добираться будем.

– Зато целы останетесь, – парировал генерал.

– Нельзя ли с казаками?

– Да ты ведь непременно встрянешь в какую-нибудь авантюру.

– Помилуй, Михаил Дмитриевич! Какая же там может стать авантюра? Если на казака напали текинцы, их уже и след простыл, а если подозрения в адрес джигитов не беспочвенны, так их там и вовсе не было! Ей-богу, дай мне несколько казаков, и тогда я за день обернусь туда и назад с результатами вскрытия.

– Ты уверен?

– Ручаюсь тебе.

– Ну, хорошо, я прикажу послать с тобой конных охотников.

Охотниками оказались десять казаков Таманского полка во главе с урядником бароном фон Левенштерном. Последний был личностью весьма примечательной, чтобы не сказать анекдотической. Богатый помещик родом из Курляндии, он получил прекрасное образование в Геттингенском университете. Единственным его изъяном являлось плохое знание русской словесности вообще и речи в частности. К несчастью, экзамен на офицерский чин в Российской императорской армии следовало сдавать именно по-русски, а потому барон до сих пор числился в нижних чинах. Между тем он успел поучаствовать в войне на Балканах, сумел отличиться в боях, но заветных эполет так и не добился. Употребил он половину приложенных им усилий на изучение языка Пушкина и Лермонтова, он давно бы стал офицером, но барон, помимо всего прочего, «славился» своим совершенно ослиным упрямством.

Единственными людьми, достойными уважения, в его понимании считались немцы, причем не все подряд, а имевшие перед своей фамилией приставку фон, а еще лучше титул барона или графа. В общем, изучать речь восточных варваров он полагал ниже своего достоинства и продолжал тянуть ляжку. При всем при этом германском снобизме Левенштерн являлся в сущности славным малым и хорошим товарищем. Во всяком случае, многие из близко знавших его офицеров отзывались о нем именно так.

Еще одним участником экспедиции неожиданно оказался моряк по фамилии Будищев, носивший непривычное для пехоты звание кондуктор. Каким образом его занесло в самое сердце пустыни, никто достоверно не знал. Ходили лишь слухи, что он приписан к морской батарее, но последняя вроде бы только что прибыла в Чигишляр и лишь готовилась к переходу в Бами. Как и барон, он в качестве нижнего чина участвовал в русско-турецкой войне, о чем свидетельствовали медаль и полный георгиевский бант на его груди. И, по всей видимости, так же как фон Левенштерн, участвовал в походе в надежде стать офицером.

Некоторое время они все же двигались вместе с самурцами, но вскоре доктору это наскучило, и он предложил ускорить аллюр, оставив пехоту позади.

– Карошо, – безбожно коверкая русские слова, прокаркал барон. – Так будет быстрее!

– Фиговая идея, – мрачно отозвался моряк, но уточнять ничего не стал.

– Если боитесь, можете оставаться, – отрывисто бросил Студитский, но кондуктор и не подумал обижаться.

Достав из футляра непривычного вида винтовку, Будищев зарядил ее, затем перебросил ремень через плечо и пришпорил коня. Держался в седле он, надо сказать, весьма неважно, особенно на фоне казаков или барона, но это его ни капельки не смущало.

Следом за маленьким отрядом охотников прибавили ходу еще два человека, считавшиеся вольнонаемными. Латыш Ян Зандерс – слуга фон Левенштерна, бывший постоянным спутником своего хозяина в его странствованиях и военных авантюрах, и отставной солдат Федор Шматов, служивший в том же качестве у Будищева. Однако если у богатого немецкого барона

наличие прислуги считалось делом само собой разумеющимся, то как себе это мог позволить простой кондуктор, было решительно непонятно. К тому же Шматов частенько называл своего хозяина графом, что добавляло их странной парочке легкий флёр таинственности.

Впрочем, на графа Монте-Кристо из сочинений господина Дюма моряк походил весьма мало. Богатством не кичился, деньгами не сорил, от дружеских попоек уклонялся и вообще вел себя в высшей степени скромно. Вином и разносолами, подобно многим офицерам, не увлекался. Даже ели они со слугой часто из одного котла с нижними чинами, для чего хозяин вносил артельщику известную сумму.

Фон Левенштерн же, напротив, старался обставить походный быт с максимальным комфортом. Чтобы хороший табак, еда и напитки не переводились у господина, его латышский Санчо Панса вел в поводу двух тяжело нагруженных различными припасами выючных лошадей. Хотя надо сказать, что всем этим барон щедро делился с товарищами.

Бендессены – это и перевал, и обширная долина, располагающаяся у входа в него, а также высокий утес, у подножия которого почти перпендикулярно сходятся дороги в Бами и в Ходжа-Калу. С высоты этого утеса легко можно контролировать и долину, и проходящие по ней пути, а потому здесь давно следовало устроить пост, но у командования до сих пор, что называется, не дошли руки.

Между утесом и перевалом расположены несколько невысоких холмов, подножия которых усеяны крупными валунами, а со стороны долины его огибал полноводный ручей, бравший начало в горах Копетдага, по берегам которого в изобилии росли трава и камыш, иногда превышающие человеческий рост. Посреди блеклой пустыни этот уголок живой природы и буйства красок казался бы райским, если бы не огромное количество сероводорода в воде, отчего весь оазис буквально пропитался запахом тухлых яиц.

– Ну и вонь! – поморщился Будищев, спешиваясь.

– Я-я, натюрлих, – поддержал его курляндец, любивший при случае пожаловаться на походные тяготы. – Ужасный запах... и жара... и страна!

– Люди, бывавшие здесь прежде, – жизнерадостно возразил Студитский, – говорили мне, что после недолгого пребывания к этому воздуху привыкаешь, и он уже не кажется таким зловонным!

– Надеюсь, вы не собираетесь здесь надолго задерживаться?

– Разумеется, нет, барон. Мы покинем это благословенное место, как только удастся провести вскрытие.

– Тогда не будем терять времени, – решительно заявил Дмитрий. – Для обороны эти места еще хуже, чем для отдыха. Хотя если поставить часовых на вон той возвышенности...

– Косподин кондуктор! – поспешил прервать его немец, ревниво относящийся к вопросам командования. – Вы есть – моряк и не знаете сухопутной службы, а потому...

– Да где уж мне, сиволапому, – ухмыльнулся в усы Будищев и помахал уряднику, дескать, делай, как знаешь.

Как только их маленький отряд добрался до места, доктор с двумя казаками отправился к могиле убитого курьера, а остальные отпустили лошадей в поводу, чтобы те могли немного попасться. Вооружившись лопатами, таманцы споро взялись за дело и скоро выкопали из земли своего павшего товарища. Лес в этих местах настолько редок, что никому и в голову не приходит хоронить покойников в гробах. Поэтому при погребении бедняги ограничились тем, что завернули его тело в большой мешок из грубой материи. Разрезав холстину, доктор тут же приступил к осмотру тела, а остальные, зажав носы, спешно отошли в сторону.

– Чего же не обрядили покойника? – мрачно спросил наблюдавший за этими манипуляциями Шматов.

– Во что? – пожал плечами Будищев. – Текинцы сам, небось, знаешь, раздевают убитых донага. А у солдат лишних вещей нет.

– Худо, наверное, эдак в земле лежать, – поежился Федор. – Еще раздавит...

– Вообще без разницы, – усмехнулся кондуктор. – Помнишь, сколько наших в Болгарии полегло? Там в гробах разве что господ офицеров хоронили, да и то не всех.

– Это верно.

Студитский тем временем закончил осмотр и, воспользовавшись ланцетом и длинными щипцами, извлек из тела покойного пулю. Очевидно, придя к какому-то определенному выводу, он спрятал ее в платок и сделал казакам знак, дескать, можно закапывать.

– Что скажете, Владимир Андреевич? – поинтересовался моряк у подошедшего к ним врача.

– Выстрел произведен в спину из гладкоствольного пистолета в упор, – сухо ответил тот, вытирая платком руки.

– Значит, свои, – резюмировал Будищев, недобро усмехнувшись.

– А как узнали, что в упор? – почти благоговейно спросил Шматов.

– Когда близко – ожог остается, – пояснил Дмитрий.

– Верно, – кивнул доктор. – Приходилось видеть подобное?

– Всякое бывало.

В этот момент их беседу прервал шум копыт, а следом из-за ближайшего холма показались двое текинцев.

Поначалу, завидев друг друга, и русские и туркмены застыли в нерешительности, уж больно неожиданной получилась встреча.

Первым из ступора, как ни странно, вышел Студитский. Отбросив в сторону вконец испачканный платок, он со всех ног бросился к мирно пасущемуся коню и, мгновенно оказавшись в седле, ударил его каблуками по впалым бокам. Не ожидавшее такой подлости животное взвилось на дыбы, но затем, повинуясь твердой руке всадника, рвануло вперед.

– Брать живьем! – азартно закричал врач изумленным подобной прытью спутникам и вихрем помчался в погоню, на ходу извлекая из кобуры револьвер.

– Куда тебя хрен понес? – только и успел прошептать Будищев, поднимая винтовку и почти одновременно спуская курок.

Хлестко прозвучавший выстрел выбил текинца из седла, после чего второй, уstraшенный не только гибелью товарища, но и воинственным видом доктора, развернул коня и поскакал прочь. Опустив вниз рычаг, Дмитрий на лету поймал выскочившую из патронника гильзу и, отправив ее в карман подсумка, обратным движением вытащил патрон и перезарядил «шарпс».

А события продолжали стремительно развиваться. Едва погнавшийся за удирающим туркменом Студитский завернул за скалу, как перед ним оказалась целая толпа соплеменников последнего числа, вероятно, не менее сотни, и теперь их роли резко поменялись. Обескураженный доктор во весь опор удирал от кочевников, время от времени стреляя из револьвера через плечо, без особого, впрочем, успеха, а сыны пустынь с дикими воплями и гиканьем неслись за ним, предвкушая добычу.

Их небольшой отряд оказался в безвыходном положении. Ускакать от славящихся на всю Среднюю Азию ахалтекинских наездников нечего было и думать, а попытка отбиться в чистом поле грозила немедленным истреблением. Тогда казаки, будучи людьми опытными и искушенными, не дожидаясь приказов Левенштерна, спрятали своих коней в низине, после чего залегли за камнями, ошестинившись винтовками.

Несколько левее то же самое проделали Будищев со Шматовым, а незадачливый эскулап, едва успевший добраться к своим до начала перестрелки, занял позицию между ними и теперь лихорадочно перезаряжал опустевший барабан «смит-вессона». Занятая охотниками позиция оказалась откровенно нехороша, но ничего иного им все равно не оставалось.

Поначалу разгоряченные погоней текинцы попытались взять своих противников нахрапом. Но едва туркменские всадники подсаkali вплотную к камням, за которыми нашли убе-

жище русские, по ним ударил плотный залп. В одно мгновение казавшая неудержимой лава смешалась. Визг и улюлюканье нападавших тут же сменили крики умирающих, стоны раненых и дикое ржание лошадей, оставшихся без седоков и тщетно пытающихся теперь вырваться из этого ада. За первым залпом последовал второй, и утратившие кураж кочевники принялись разворачивать своих коней, после чего умчались прочь, нахлестывая их плетками, проклиная гяуров, осмелившихся дать им отпор.

Затем руководивший набегом бек, отличавшийся от своих подчиненных роскошным, расшитым золотом халатом, драгоценным оружием и великолепных статей караковым жеребцом, что-то приказал своим нукерам, и те стали спешиваться. Вопреки распространенному мнению, большинство текинцев были вооружено не древними мультуками¹, а вполне современными винтовками системы Бердана, очевидно, ставшими их трофеями после неудачной «экспедиции двух князей и графа»: Витгенштейна, Долгорукова и Берга.

Получив приказ от предводителя, текинцы разделились. Одна часть, заняв верхушку соседнего холма, принялась обстреливать засевших в камнях казаков, а прочие под прикрытием их огня еще раз попытались атаковать. Выстрелы с обеих сторон следовали один за другим, переходя порой в непрерывную трескотню. Слабый ветерок едва успевал сдувать пороховой дым, из клубов которого то и дело выскакивали все новые и новые нападавшие. Дело даже несколько раз доходило до шашек, и тогда слышалось яростное лязганье металла, прерываемое свирепыми криками противников и жалобными стонами раненых.

Будищев горячую рукопашную схватку любил примерно так же, как собака палку, а потому подобной ерундой не увлекался. Отставив на время в сторону свою дальнобойную винтовку, он взялся за револьверы и принялся отстреливать наиболее приблизившихся врагов. Взведя курок, он на мгновение высовывался из своего укрытия, почти не целясь стрелял и исчезал, прежде чем ему успевали ответить той же монетой. Опустошив барабан в одном «смит-вессоне», он передавал его для перезарядки верному Федору, продолжая вести огонь из второго. Таким образом, скоро рядом с ними не осталось живых текинцев, и он снова взял в руки «шарпс».

Дмитрий давно заприметил вражеского предводителя, благо рядом с тем постоянно крутились его нукеры, один из которых держал в руках длинную пику с бунчуком. Расстояние, правда, было великовато даже для его винтовки, но отчего бы не попробовать? Поймав перевернутое изображение бека в оптику, он на мгновение задержал дыхание и легонько нажал на спуск. Привычно бухнул выстрел, но в этот момент один из телохранителей, постоянно горячивший своего коня, оказался на линии огня и поймал пулю, предназначенную для другого.

– И чего тебе смирно не стоялось, – буркнул кондуктор, перезаряжая оружие.

Судя по всему, текинцы посчитали гибель товарища случайной и не тронулись с места. Наоборот, бек приосанился и принялся размахивать камчой, на что-то указывая своим подчиненным. Дмитрий видел в прицел, как он кричит, разевая заросший черной бородой рот, но, разумеется, ничего не слышал.

– Никуда не уходи, я сейчас, – прошептал Будищев и снова спустил курок.

На этот раз прицел оказался верен, и разодетый текинец сначала дернулся, а затем медленно сполз с седла на песчаную землю. Переполошившиеся спутники бросились к нему, пытаясь понять, жив тот или мертв, и пока они это выясняли, моряк успел еще несколько раз выстрелить.

– Так их! – азартно воскликнул Шматов. – Уже пятеро, я в биноклю все вижу...

– Я тебе дам биноклю! – выверился на него приятель. – Заряди револьверы и прикрывай меня, а не то не ровён час подберутся... демоны!

¹ *Мультук* – среднеазиатское кремневое ружье.

– Я и то, смотрю, – с легким сожалением отозвался бывший ефрейтор, поправляя на всякий случай кобуру с «галаном» на поясе.

Федор не знал толком, кто такой «второй номер» и в чем заключаются его обязанности, но ему ужасно нравилось, когда Будищев так его называл. Они не раз уже ходили вдвоем на подобную охоту за вражескими наездниками. Тогда ему приходилось подолгу разглядывать в бинокль окрестности, выискивая ориентиры и тренируясь определять расстояние, а потом Дмитрий по его наводке без промаха бил по текинцам с предельной дистанции.

Но сегодня все происходило по-другому. Нукеры павшего бека, кажется, сообразили, что их внаглую расстреливает какой-то русский, и наконец-то убрались с холма. Затем весть о гибели предводителя разнеслась по всему отряду, заставив на время прекратить бой.

В какой-то момент казалось даже, что обескураженные текинцы уйдут прочь, оставив своего противника в покое, но не тут-то было.

Краткое замешательство туркмен прекратилось так же быстро, как и началось, а затем сражение закипело с новой силой. Раздосадованные смертью вожака, они двинулись вперед, твердо намереваясь отомстить гяурам за нее, невзирая на потери. Если жители пустынь и уступали русским в организованности и дисциплине, то никто не мог упрекнуть их в отсутствии храбрости! Крича «Алла», потрясая саблями и стреляя из винтовок, текинцы лезли и лезли вперед, отчего казалось, что они вот-вот сомнут своего противника.

В отличие от них, казаки во главе с немцем-урядником дрались молча, лишь иногда подбадривая друг друга короткими фразами. Единственным исключением в этом оказался доктор Студитский. Каждый свой выстрел он предварял крепким словцом, а уж если прицел оказывался верным, то следовала такая восторженная рулада из отборного русского мата, что даже бывалые казаки только головами крутили от изумления.

– Вашбродь, – не выдержал один из таманцев с басоном приказного² на погоне, – статочное ли дело эдак в бою ругаться?

– Ничего, братец, – весело откликнулся врач, едва не захлопав в ладоши, видя, что в очередной раз попал, завопил: – Так тебе, сукину сыну, мать-перемать!

– И впрямь, чего сквернословить? – недовольно буркнул Федор, услышав последний перл. – Смертушка ведь совсем рядом ходит, не ровён час услышит.

– Не отвлекайся, – раздраженно бросил Дмитрий, передавая ему разряженный револьвер и стреляя тем временем из второго.

Эту атаку им, хоть и с большим трудом, все же удалось отбить. Очевидно, что у текинцев тоже нашелся свой предел прочности, и сегодня у русских он оказался выше. И хотя отошедшие назад туркмены продолжили обстрел, это все-таки была передышка. Между тем горячее среднеазиатское солнце поднималось все выше, безжалостно нагревая своими жаркими лучами землю и в особенности камни, за которыми засели охотники.

– Есть попить? – устало прохрипел пересохшим горлом кондуктор.

– А как же, – ответил Шматов, подавая флягу с живительной влагой.

Пусть теплая и солоноватая на вкус, она показалась измученному жаждой Дмитрию необычайно вкусной, так что, сделав изрядный глоток, он с блаженством держал ее во рту, чтобы размочить иссохший язык и нёбо.

– Будищев! – неожиданно позвал его Студитский, высунувшись из-за камня, служившего ему убежищем.

– Что вам? – спокойно отозвался кондуктор, проглотив все до последней капли.

– А вы ловко стреляете! – с уважением в голосе похвалил доктор.

– Благодарю, – машинально кивнул Дмитрий, перезаряжая винтовку.

– Давно хотел вас спросить, на что вам мои весы?

² Басон – галун на погоне. Лычка. Приказный – ефрейтор у казаков.

– Какие еще весы, док?

– Не смейте отпираться, – возмутился Студитский. – Я наверняка знаю, что вы подкупили Трифона и брали аптекарские весы из моих вещей!

– Не виновен, ваша честь! – устало отвечал ему моряк, откинувшись спиной к разогретому солнцем камню, покачав головой, почти грубо сказал: – Нашел же время, блин...

– Так другого может и не быть, – простодушно развел руками врач. – А мне, знаете ли, чертовки любопытно, зачем они вам понадобились?

– Ну, ладно, – сдался обвиняемый. – Во-первых, я тут совершенно ни при чем. Это Феденька вашего вахлака подпоил. Мне просто были нужны точные весы, а других поблизости не оказалось. Вот он и проявил нездоровую инициативу.

– Но зачем?!

– Давайте все же в другой раз!

– Как угодно... Да, совсем забыл. У вас не найдется немного патронов к «смит-вессону»? Я свои, извольте видеть, уже расстрелял...

– Возьмите у убитых, – посоветовал Дмитрий, делая Федору знак, чтобы тот перекинул врачу одну из пачек с револьверными патронами.

– Что, простите?

– Рядом с вами чертова прорва мертвых текинцев. Большинство из них с винтовками. Наверняка есть и патроны. Кстати, казачки, это всех касается!

– Да мы уж и так подобрали что можно, – прогудел таманец, высказывавший прежде доктору за его сквернословие. – Иначе бы и не продержались до сей поры. Свои-то еще когда порасстреляли...

– Потери есть?

– Как не быть. Лазаря Моисеенко подстрелили, супостаты, да Ванька Кочар вот-вот богу душу отдаст. Ишо трое раненых, но они покуда держатся. Даже Ефим Дудка.

– А что с ним?

– Дык поранили его в такое место, что теперь, прости господи, к бабам совсем немочно, однако ж винтарь не бросил до сих пор и палил справно...

– Чего ты там брешешь, бисов сын? – из последних сил возмутился еле живой Дудка, услышав неприглядную характеристику своего ранения. – Я еще до твоей жинки ходить буду!

Несмотря на всеобщую усталость, перепалка, случившаяся между двумя казаками, вызвала у присутствующих улыбки. Немного повеселев, люди стали обмениваться короткими фразами. Те, у кого сохранились патроны или вода, стали делиться ими с товарищами. Доктор, выглянув из-за своего камня, заметил лежащего неподалеку мертвого текинца, ружье которого валялось совсем рядом. Опустившись на землю, он пополз к нему по-пластунски и скоро завладел берданкой убитого. От обычных винтовок она отличалась лишь ложем, обильно украшенным серебром. Очевидно, это был трофей павшего джигита, переделанный мервскими или асхабадскими мастерами по вкусу нового хозяина.

– Доктор, вы бы лучше нашим раненым помощь оказали, – заметил Будищев, от которого не укрылись маневры Студитского.

– Сейчас они снова полезут, и будет не до перевязок, – нервно заметил врач, обшаривая мертвого.

Судя по всему, поиски огнеприпасов увенчались успехом, и скоро воинственный последователь Гиппократ вернулся на свое место и принялся ободрять боевых товарищей, говоря им, что уж теперь они точно отобьются.

– Сколко у вас ест патрон? – неожиданно спросил молчавший до сих пор фон Левенштерн.

– Почти два десятка, – первым отозвался Студитский и весело добавил: – Еще повоюем!

Как выяснилось, у казаков дело обстояло немногим лучше. У кого три десятка, у кого с полсотни, но так или иначе большая часть боезапаса оказалась истрачена.

– Будищев, а вы почему молчите?

– Есть трохи для сэбэ, – спокойно ответил моряк.

– С такой запас мы есть не можем драться, – решительно заявил курляндец.

– Это как? – мрачно поинтересовался ближайший к уряднику казак, подозрительно поглядывая на немца.

– Вы не понимает. . .

– Понимаем, что тут не понять! – с явной угрозой в голосе сказал таманец, деловито загнав патрон в патронник.

Впоследствии никто точно не помнил, точно ли Левенштерн предлагал сдаться на милость текинцев, или же остальные охотники просто не поняли своего командира, которого, к слову, недолюбливали за презрительное отношение к нижним чинам и немецкую спесь. Но теперь люди смотрели на него как на врага, готовые в любой момент пустить в ход оружие и решить вопрос кардинально. В этот момент ситуацию спас Студитский.

– Вот что, братцы, – как ни в чем не бывало заявил он, – ежели подняться на тот пригорок, так можно славно пострелять по текинцам. Пусть половина здесь остается с ранеными, а я с остальными там засяду. И если эти, так их, опять полезут. . .

Просторечное выражение, свойственное больше каким-нибудь биндюжникам или золоторотцам профессий, что даже обычно невозмутимый Будищев ухмыльнулся, а неодобрительно относившиеся к мату во время боя казаки снова поморщились, будто от зубной боли. В этот момент свистнула пуля, и высунувший на свою беду голову доктор со стоном присел, зажимая ухо.

– Ну вот, накликали на себя беду! – сокрушенно заметил приказный.

– Это ничего, – неожиданно жизнерадостно отозвался из своего убежища Студитский. – Прицел худо взяли, сукины дети. Вот я бы им. . .

Очередная пуля шлепнула совсем рядом, обдав врача каменной крошкой и заставив снова пригнуться.

– Кажись, начинается, – опасливо втянув голову в плечи, протянул Шматов. – Сейчас полезут!

– Спину мне прикрывай, – буркнул в ответ Будищев, целясь из «шарпса» по приближающимся текинцам.

Сухо щелкнул выстрел, и ближайший из них вскочил как ужаленный и, крутнувшись волчком, свалился наземь. Снова со всех сторон загрохотали выстрелы, но теперь русские экономили патроны, ведя огонь только наверх. Нападавшие как будто почуяли, что у их противников кончаются огнеприпасы, и стали еще больше наседавать. Дмитрий, боезапас которого был далек от исчерпания, продолжал вести огонь, отдуваясь за весь их отряд. Время от времени он менял позицию, но враги уже сообразили, кто представляет собой главную опасность, и палили по нему из всех стволов. Становилось все жарче, но оказавшийся волею судьбы посреди пустыни моряк, казалось, не обращал на это внимания. Неприятельские пули то и дело свистели рядом, а одна из них даже оборвала ему погон, но он продолжал стрелять в ответ, поражая одного противника за другим.

Все же несколькими джигитам удалось подобраться к нему на такое близкое расстояние, что казалось: протяни руку – и схватишь. Обнажив сабли, они дружно кинулись на столь досадившего им кондуктора, намереваясь изрубить того на куски, но неожиданно в дело вступил Федор. Несмотря на мудреную и оттого не слишком надежную конструкцию, револьвер системы Галана имел преимущество перед обычным «смитвессоном» в том, что был самовзводным.

Выхватив из кобуры свое оружие, Шматов направил ствол в сторону текинцев и нажимал и нажимал на спуск, пока в барабане не кончились патроны. Первому из нападавших досталось две пули, второму одна, третий сам отскочил от греха в сторону, решив, что неверный слишком часто стреляет. Но четвертый оказался крепче характером и, выйдя вперед, уже занес свой клинок над оказавшимся безоружным Федькой, но Дмитрий, недолго думая, выхватил свой кортик и метнул его в противника. Узкое и острое как бритва лезвие легко проткнуло ватный халат туркмена, и тот упал, обливаясь кровью.

– Спасибо, Граф, – облизав разом пересохшие губы, прошептал денщик, но тот его не расслышал.

Противостояние между горсткой казаков и их куда более многочисленными противниками продолжалось уже более шести часов. Несмотря на огромные потери, нанесенные нападавшим, те и не думали отступать. Возможно, текинцы хотели поквитаться за павших товарищей, а может, их просто взбесило упорное сопротивление охотников. Огнеприпасы практически закончились, и даже у Будищева оставалось лишь пару десятков патронов к винтовке. Но хуже всего для измученных жаждой людей было отсутствие воды.

Казалось, что конец уже близко, ибо какую бы доблесть ни проявили охотники, но перевес со стороны обитателей пустыни оставался слишком высок. Еще немного и они прорвутся к казакам, после чего дело решится в яростной сабельной сече, но тут Шматов в очередной раз полез в подсумок, но вместо патронных пачек из плотного картона извлек наружу несколько каких-то продолговатых брусков, в которых Будищев с удивлением признал динамитные шашки. Сил удивляться уже не осталось, а потому он просто спросил, с трудом шевеля пересохшими губами:

– Ты чего молчал, что они у нас есть?

– Так ты не спрашивал, – прохрипел тот в ответ.

К счастью, нашлись не только шашки, но и огнепроводный шнур и фосфорные спички, после чего смертоносные гостинцы один за другим полетели в сторону нападавших. Несколько взрывов, прогремевших в самой гуще атакующих текинцев, оказались последней каплей. Такого издевательства над своей психикой они вынести уже не смогли и, спешно попрыгав в седла, бросились врассыпную от оказавшихся столь кусачими русских.

Казаки, не веря своим глазам, смотрели на их поспешное бегство, еще некоторое время не решаясь покинуть укрывшие их камни. Однако, убедившись, что это не очередная хитрость степняков и не обман зрения, одни упали там же, где сидели, другие принялись перевязывать друг другу раны, а третьи кинулись к ручью. Ужасно вонявшая при первом знакомстве сероводородом вода уже не оскорбляла обоняние и не казалась столь противной на вкус. Измученные жаждой люди пили ее так жадно, как будто не пробовали в своей жизни ничего вкуснее, отчего доктору пришлось даже вмешаться, чтобы предупредить возможные расстройства. Кое-как наведя порядок, он без сил опустился на песок рядом со спрятавшимися в тени Будищевым и Шматовым.

– У вас есть папиросы? – спросил он, вытирая со лба испарину.

Смертельно уставший Дмитрий вопрос проигнорировал, а Шматов извиняющимся тоном пояснил:

– Некурящие они.

– Так вот куда девался пропавший у саперов динамит! – добавил после недолгого молчания врач.

– Не знаю, о чем вы, – отозвался, зевнув, кондуктор, – но ваши домыслы по меньшей мере оскорбительны.

– Оставьте, – махнул рукой Студитский, – я вовсе не в претензии. Но может быть, вы все-таки расскажете, для чего вам понадобились мои весы?

– Порох взвешивать, – с досадой ответил Будищев.

– В каком смысле?

– Чтобы навеска была одинакова и разброс пуль минимален. Это необходимо для точной стрельбы на дальнюю дистанцию.

– Но почему вы не попросили сами?

– Как вам сказать, – задумался Дмитрий. – Вы никогда не обращали внимания, что ворованная булка кажется слаще купленной?

– Но я никогда не воровал булок! – растерялся врач.

– Да? – искренне удивился моряк. – А по вашему лексикону во время боя можно подумать, что только этим и занимались!

Доктор недоуменно обвел взглядом сначала своего собеседника, затем его слугу, а потом, сообразив, что тот шутит, заливисто расхохотался, а через несколько минут к нему присоединились его новые знакомые.

Примерно через час после этого послышался мерный топот ног, и к месту недавнего боя подошла рота Самурского полка, вышедшая из Бами почти одновременно с ними. Солдаты и офицеры, не веря своим глазам, осматривали лежащие кругом человеческие и лошадиные трупы, с изумлением сравнивая их с кучкой измученных охотников.

– Экое побоище! – с явным почтением в голосе заметил командовавший ротой капитан.

– Да уж, постреляли маненько, вашбродь, – скромно заметил в ответ Федя.

Аул Бами, бывший некогда текинским укреплением, был занят русскими еще в мае, причем без единого выстрела. Кочевники, справедливо опасаясь знаменитого Белого генерала, предпочли не рисковать и отошли, оставив неприятелю не только свои жилища, но и засеянные поля вокруг. Теперь солдаты из Самурского полка и Кавказского линейного батальона, «вооруженные» для такой надобности серпами и косами, убирали по очереди чужой урожай. А чтобы бывшие владельцы, раздосадованные потерей, не организовали нападения на «жнецов», их прикрывали разъезды казаков из Таманского и Полтавского полков. Один из таких патрулей и встретил возвращающихся из Бендессен охотников.

– Что с вами приключилось, барон? – удивленно спросил молодой хорунжий, заметив мрачного, как туча в ненастный день, фон Левенштерна.

– Мы есть попали в засаду, – охотно стал отвечать тот, но поскольку его ломаный русский был малопонятен для однополчанина, тот начал расспрашивать казаков, доктора Студитского, выделяющегося среди прочих окровавленной повязкой на ухе, а также ехавшего замыкающим Будищева.

Таманцы, подозрительно косившиеся на своего урядника, старались отделаться односложными ответами. Дескать, попали в засаду, да отбились. Чего уж тут толковать? Врач, возможно, с удовольствием посвятил бы офицера во все душераздирающие подробности их приключения, но из-за обильной кровопотери сильно ослабел, и теперь с трудом держался в седле. Так что отдуваться пришлось моряку. Впрочем, и он не слишком потрафил любопытству молодого человека.

– Стреляли! – устало пожав плечами, отозвался Дмитрий.

– Но как?!

– Долго. Чертовски долго!

К счастью для любопытного хорунжего, нашелся один человек, не пожалевший для него подробностей. Им оказался, разумеется, Федя Шматов, обладавший счастливым даром не унывать в любой ситуации. Увидев рядом с собой свободные уши, просто изнывающие от информационного голода, бывший ефрейтор охотно присел на них и с удовольствием вывалил все доступные ему сведения.

– Эх, мне бы туда! – не без зависти в голосе прошептал офицер, провожая взглядом героев. – Тут не то что «клюквой»³ пахнет... тут в георгиевские кавалеры прямым ходом...

Представив, как выигрышно смотрелся бы орден Святого Георгия на его черкеске, молодой человек дал своему жеребцу шенкеля и погнал его вдоль свежескошенного поля.

Весть о случившемся так быстро разнеслась по Баши, что не успели охотники сдать своих раненых в лазарет, как туда примчался сам Скобелев в сопровождении штабных и конвоя.

– Что с ним? – требовательным тоном спросил генерал, показывая на едва стоящего на ногах Студитского.

Фон Левенштерн, вытянувшись в струнку, принялся докладывать, но плохое знание государственного языка Российской империи снова сыграло с бароном дурную шутку. Ничего не поняв из его невнятного лопотания, Михаил Дмитриевич нетерпеливым жестом заставил курляндца замолчать и обернулся к Будищеву:

– Говорите вы!

– Ваше превосходительство, – устало отозвался Дмитрий. – Господин доктор был ранен в ухо во время отражения нападения банды текинцев. Поскольку бой длился почти восемь часов, оказать ему помощь не представлялось возможным, а потому он потерял много крови.

– Вы разбираетесь в медицине?

– Не особо, но перевязку сделать могу. Да и ранений в своей жизни навиделся всяких. Так что, если инфекцию никакую не занесут, то жить Владимир Андреевич будет. Правда, без половины уха, а остальное до свадьбы заживет.

– Он женат, – машинально поправил генерал.

Кондуктор в ответ лишь пожал плечами, дескать, в таком случае и беспокоиться не о чем. Скобелев же, убедившись, что здоровью его давнего друга ничего не угрожает, продолжил допрос:

– Много ли было текинцев?

– Примерно три сотни. Возможно, больше, но не на много.

– И вы отбились? – с явным недоверием в голосе спросил командующий.

– Да.

– Моряк явно привирает, – по-французски заметил один из спутников генерала – лохотонный подполковник с золотым аксельбантом генштабиста на груди. – За ними такое водится не меньше, чем за казаками.

Несмотря на то что кондуктор не знал галльского наречия, тон штабного был настолько красноречив, что догадаться о его смысле не составляло ни малейшего труда. Скобелев, судя по его выражению лица, придерживался того же мнения, но Будищева это не смутило.

– Ваше превосходительство, – почтительно, но вместе с тем твердо продолжал он, – осмелюсь доложить, что уже после боя к Бендессенам подошла рота капитана Ракитского. Он и его подчиненные видели трупы убитых нами врагов, даже пересчитали, перед тем как зарыть.

– И сколько же супостатов вы положили?

– Только оставшихся на месте – девяносто восемь. Кроме того, некоторое количество убитых они увезли с собой. В числе последних – своего предводителя.

– Почему вы решили, что это был предводитель? – встрепенулся говоривший по-французски подполковник.

– Одет богато и всеми командовал, – пояснил Будищев.

– У вас было время его рассмотреть?

– У меня было время его подстрелить. А также четверых его приближенных.

– Надо бы узнать через лазутчиков, кто это был, – задумался Скобелев. – Может, сам Махмуд-кули-хан?

³ «Клюква» – темляк с орденом Св. Анны на офицерском жаргоне. Первая боевая награда офицера.

– Я займусь, – кивнул офицер.

– Что же, если все так, как вы говорите, – повысил голос генерал, – то вот мое слово. Все участники этого дела получат знаки отличия военного ордена⁴.

– Покорнейше благодарю, ваше превосходительство, – скривил губы в легкой усмешке Дмитрий. – Только у меня уже и так полный бант. И даже медаль на аннинской ленте есть. Вы лучше моего Федора наградите. У него всего один крест, ему пригодится. Он хоть и слуга, а дрался наравне со всеми!

– Вот как? Ах да, припоминаю. Вы, кажется, служили в Рушукском отряде?

– Так точно. В Болховском полку.

– Что же, я вас услышал, кондуктор. Теперь можете отдыхать.

К себе Будищев и Шматов вернулись поздно вечером. Пора было уже устраиваться на ночлег, но у наших героев с самого утра маковой росинки во рту не было, и теперь им просто невероятно хотелось есть. Проблема была лишь в том, что ужин предстояло еще приготовить.

Обычно готовкой для господ офицеров в походе занимаются денщики, иногда проявляющие просто чудеса кулинарного искусства. Чего стоит «бикштепс с рысом» – слипшиеся между собой, обугленные куски чего-то невообразимо твердого без малейшего подобия подливки, лежащие поверх горки круто сваренного риса на чеканном блюде. Или, к примеру, «плов», в который верный Санчо Панса русского офицера, помимо баранины, ухитрился положить еще и чернослив с изюмом. Говорят, у здешних аборигенов это кушанье выходит просто восхитительно, но вот беда, денщики ни разу не туркмены и не узбеки, а потому их господам ничего не остается, как давиться этой бурдой на прогорклом масле.

Впрочем, в Бами какая-никакая цивилизация наличествует и потому можно отужинать у армян-маркитантов. Большим разнообразием их меню похвастаться не может, но вот шашлык – главное и единственное блюдо в исполнении этих достойных сынов многострадального народа – бывает весьма недурен, а уж когда на готовку нет ни времени, ни сил – так и просто прекрасен. Поэтому предвидевший свое позднее возвращение Дмитрий еще до отъезда заказал у промышлявшего этим бизнесом армянина по имени Ашот Петросян три фунта шашлыка, строго-настрого велел сохранить до возвращения охотников и не отдавать, даже если заказ внезапно сделает сам Белый генерал.

Как ни упрекают в алчности еврейских ростовщиков, любой из шейлоков, дерущий с заемщика десять процентов в месяц, покажется сущим младенцем в сравнении с армянским маркитантом, делающим на свой товар никак не менее четырехкратной накрутки, да еще и отчаянно шельмующим при этом. Водка у него самого отвратного качества, ветчина часто червива, колбаса иной раз так тверда, что ее можно заряжать в пушки вместо картечи. Так отчего же ему удается все это продавать? Да оттого, что кругом война, а большинство его клиентов – русские офицеры. И поскольку каждый из них в любую минуту может погибнуть от шальной пули, выпущенной удалым текинским наездником, или сгореть от лихорадки, ненароком подцепленной в этих гиблых местах, им ли, ни в грош не ставящим собственную жизнь, ценить деньги? Вот и швыряют юные безусые подпоручики и степенные семейные капитаны без счета свои империялы и червонцы за дурной коньяк и плохо просоленную икру, чтобы хоть на минуту забыться от окружающей их безрадостной действительности и почувствовать себя свободными людьми.

А ушлые Ашоты и Карапеты алчно смотрят, как те пьют, и напряженно думают про себя, не приписать ли вон тому штабс-капитану лишнюю бутылочку? Все одно наутро он и не вспомнит, сколько именно выпил да чем закусывал. Впрочем, у большинства русских офицеров на такой случай есть при себе нагайка, и когда торговец начинает слишком уж финтить, не раз-

⁴ Официальное название Георгиевского креста.

думывая пускают ее в дело. Все маркитанты прекрасно знакомы с этим немного варварским, но при этом весьма действенным средством обуздания их алчности.

Впрочем, у Будищева нагайки не было, да и он, строго говоря, пока еще не офицер. Поэтому ему не зазорно сходить за заказом самому. В общем, оставив верного Федора обихаживать лошадей, наш герой направился к кибитке маркитанта, уже предвкушая, как вгрызется в сочное мясо и будет рвать его зубами... И тут выяснилось одно пикантное обстоятельство. Все, что приготовили подручные купца, уже разобрали другие офицеры, оставив после себя только грязные котелки с кастрюлями да прогоревшие угли.

– Прости, Дмитрий-джан, – извиняющимся тоном заявил припозднившемуся клиенту маркитант. – Все совсем кончилось!

– Ашот, ты охренел?! – скучным тоном поинтересовался Будищев. – Ты что, самка собаки, бессмертный?

– Почему так говоришь? – искренне удивился уроженец Баку. – Послушай, дорогой, разве я виноват, что у меня кончился мясо?

– Я тебя, паскуда, за такие шутки сейчас самого на винтовочный шомпол насажу и зажарю!

– Эй, брат, зачем... – скривил губы в презрительной усмешке торговец, но тут же перегнулся пополам от удара в живот.

За первым ударом последовал второй, а затем моряк схватил торговца за ухо и начал крутить, да так сильно, будто у него были не пальцы, а стальные клещи. Бедолага попытался отпихнуть своего обидчика и вырваться, но не тут-то было. Хватка у Будищева оказалась настолько крепкой, что все усилия маркитанта пропали даром. Наконец, Ашот не выдержал. Колени его подкосились, и он со стоном опустился на песок, не в силах даже вытирать градом льющиеся из глаз слезы.

– Петросянить вздумал? – почти ласково спросил Дмитрий, продолжая экзекуцию.

– Брат, отпусти... дэнги отдам, все отдам, только отпусти!

– Ашот, – горестно вздохнул Будищев, отпуская свою жертву. – Вот зачем ты так нехорошо со мной поступил? Я ведь – человек добрый и богобоязненный, особенно когда сыт, а ты, разбойник, меня голодным решил оставить...

– Вах! Кто так сказал?! Дмитрий-джан, разве я когда-нибудь оставлял хорошего человека голодным? Ты мне дэнги заплатил, теперь возьми за них что хочешь...

– Ты же говорил, у тебя все кончилось?

– Дмитрий-джан, ты мне как брат. У меня для тебя все есть. Ветчина, сардины, икра, балык, сыр... бери, что хочешь, кушай, дорогой!

– Всё, говоришь? – хмыкнул Будищев и, подхватив первый попавшийся под руку мешок, бросил торговцу. – Тогда собери мне поужинать, уж будь добр.

– Да, дорогой, – закивал тот и принялся укладывать в него съестные припасы, не забывая оглядываться на оказавшегося таким грозным клиента.

Тот же следил за его действиями с таким холодным равнодушием, что всякий раз, когда маркитант хотел остановиться, у него екало сердце и руки сами собой продолжали работу. За колбасой последовал большой сверток ветчины, за ним французские сардины, потом пришел черед жестяных банок с чаем и английским печеньем, а также половины сахарной головы. Наконец, он дошел до ящика со спиртным.

– Хочешь выпить, Дмитрий-джан? Для тебя все есть. Водка, коньяк, вино самое лучшее. Даже пиво!

– Ну его в баню, твое пиво, – отмахнулся Дмитрий и, забрав у армянина хурджин⁵ и попробовав его на вес, решил, что они почти в расчете. – Скажи лучше, свежий хлеб есть?

⁵ *Хурджин* – горский двухсторонний мешок, носившийся через плечо.

– Есть, – закивал тот и, с готовностью протянув требуемое, добавил извиняющимся тоном: – Почти свежий.

Будищев с сомнением посмотрел на лепешки, но выбирать было не из чего, и после недолгого раздумья он отправил их к остальным продуктам. Пока он размышлял, несчастный купец стоял ни жив, ни мертв. Все его мысли были только о сегодняшней ошибке и о том, сколько она будет стоить ему в дальнейшем. Ашоту и прежде приходилось видеть опасных людей, но, пожалуй, сегодняшний посетитель легко мог дать им всем фору.

– Ладно, Ашот, – с неожиданным миролюбием в голосе заговорил Дмитрий и, протянув ему какой-то сверток, добавил: – Это в счет будущих гастролей!

Ошарашенный армянин изумленно смотрел на странного русского, но, видя, что тот не проявляет больше агрессии, осмелился-таки развернуть тряпицу. В ней оказался красивый наборный пояс, богато украшенный серебром, но, к сожалению, пробитый пулей и, вероятно, поэтому, испачканный кровью. Будь он цел, его бы с руками оторвали на рынке в Баку, но даже и в нынешнем виде стоил немало.

– Вах, Дмитрий-джан, какой хороший вещь, – осторожно пролепетал маркитант. – Жаль только, испорченный.

– Это у тебя ухо испорчено, – горестно сокрушаясь от человеческой глупости и алчности, заметил Будищев. – А если ты меня еще раз попытаешься кинуть, я тебе еще и нос испорчу. А если и это не поможет, вообще в пустыне прикопаю. Ты подумай хорошенько, сколько она стоит, и хочешь ли ты еще такие же хорошие вещи. А я завтра вечером зайду... и не дай бог, у тебя опять шашлык кончится!

Нагнав на маркитанта страха, грозный кондуктор вернулся к своей палатке, где застал стреноженных коней, мирно хрупающих овес из мешков на мордах. Завершал эту идиллическую картину кипящий на костре чайник и мирно спящий рядом с ним Федор. Судя по всему, верный оруженосец, сделав все ему порученное, присел на минутку и тут же от усталости провалился в сон.

– Вставай, – легонько пихнул его Дмитрий.

– А! – испуганно подскочил Шматов, спросонья не зная, за что хвататься. То ли за револьвер, то ли за работу.

– На вот, пожуй, – скупно улыбнулся приятель, сунув ему в руки импровизированный бутерброд.

Черствая лепешка и сухая колбаса. Что может быть вкуснее для изголодавшихся за день двух молодых мужчин? А если запивать это свежесваренным чаем, то окружающая действительность сразу же становится ярче, а жизнь наполняет смысл!

– Ты чего меня сразу не разбудил? – больше по привычке, нежели всерьез возмущаясь, пробубнил Федька и осторожно, двумя пальцами выудил из стоящей рядом глиняной плошки кусок мелко наколотого сахара.

После чего положил его в рот и смачно отхлебнул горячий напиток. Блаженное выражение, мгновенно появившееся на его простецкой физиономии, было трудно описать словами.

– Как ты его такой горячий пьешь? – усмехнулся Дмитрий, помешивая в своем стакане ложечкой.

Чай кондуктор пил только сладкий, чем немало удивлял окружающих, но это было практически единственным мотовством, которое он себе позволял до сих пор. Поэтому принесенный им полный хурджин всякой снеди вызвал немалое удивление у скуповатого Шматова. Но, поскольку продукты уже приобретены, ему ничего не оставалось, как, смирившись с тратами, яростно вцепиться в поданный кусок.

– Сыр есть надо, а рыбины в банках и печенье на потом оставим! – решил он, утолив первый голод. – Мало ли, офицеры какие или господа в гости пожалуют, а их и угостить нечем.

– Жуй давай, – отмахнулся Будищев. – Давно спать пора, а то завтра начальство какую-нибудь новую хрень придумает.

– Это уж как водится, – пробурчал с набитым ртом парень, продолжая исправно работать челюстями.

С самого раннего утра в Бами начинается суэта, выражающаяся главным образом в том, что по улицам, петляющим между кибитками и палатками солдат и офицеров, непрерывно с озабоченным видом снуют туда-сюда офицеры штаба. Бог весть, каким важным делом они занимаются, какие неотложные задачи, стоявшие перед русскими войсками в этой забытой всевышним и людьми местности, решают, но со стороны кажется, что эти важные господа по меньшей мере спасают мир.

Между тем жизнь в военном лагере продолжалась своим чередом. Подходили все новые и новые части, подвозили разного рода припасы, какие только могли пригодиться в походе. От всего этого бывшая текинская крепость все более походила на Вавилон в пору постройки башни, но это только на первый взгляд. Прибывшим солдатам определяли место для постоя, грузы отправлялись на склад, праздным до сей поры людям находилось дело.

Охотников вопреки предсказанию Будищева никуда с утра не дернули, так что они могли спокойно заниматься своими делами. Воспользовавшись этой передышкой, Федор успел почистить лошадей, убраться в палатке, наскоро постирать рубашки своего «барина» и переделать кучу других дел. Что касается Дмитрия, то он тоже не сидел без дела, а занимался переснаряжением патронов к своему «шарпсу». Расстрелянные накануне огнеприпасы требовали пополнения, а приобрести их в этих краях не было никакой возможности.

Впрочем, еще будучи в Москве, он предвидел подобную ситуацию, а потому заблаговременно озаботился всем необходимым. В самом деле, зачем тащить с собой цинковые ящики с патронами, если можно обойтись банкой с капсюлями и машинкой для снаряжения гильз?

Дело это не самое сложное, к тому же Будищев занимался им не в первый раз и успел приобрести необходимую сноровку. Правда, ранее ему приходилось переснаряжать не более одного-двух десятков патронов, а за вчерашний бой ушел почти весь имеющийся боезапас.

Покончив с гильзами, Будищев взялся за большой железный ковш, в который накидал свинца и поставил на огонь. Рядом с импровизированной литейной булькал котелок с мелко нарубленными кусками баранины, луком, чесноком и какими-то местными приправами, распространяя вокруг себя умопомрачительный аромат. Мясо он еще поутру раздобыл у казаков Таманского полка, имевших для собственных надобностей небольшую отару. Что интересно, несмотря на интенсивный забой, количество животных в стаде практически никогда не уменьшалось. Каким образом подчиненным полковника Арцишевского удавалось сохранять целыми овец и сытыми казаков, ни малейшего секрета не представляло, но поскольку пока что никто не попался, все закрывали на это глаза.

Быстро расплавившийся свинец раз за разом заливался в формы, и скоро на кошке рядом с Дмитрием лежала целая горка блестящих заготовок для пуль. Их еще предстояло обработать, взвесить, при необходимости еще раз обточить, затем обернуть вошеной бумагой и только после этого снаряжать патроны. За этим занятием его и застал неведомо откуда взявшийся гардемарин Майер. Судя по всему, молодой человек успел крепко соскучиться по своему бывшему соседу по каюте, а потому без всяких проволочек кинулся обнимать.

– Тихо ты, чертушка, – смеясь, попытался урезонить его Будищев, – сейчас оболую горячим свинцом – будешь знать!

– Дмитрий, дружище, ты себе не представляешь, как я тебе благодарен!

– За что?

– Ну как же! Когда ты остался в Чигишляре, мы сходили в Баку, затем снова в Астрахань, а там нас ожидала батарея лейтенанта Шемана. Я даже не успел толком выразить желание при-

соединиться к ней, как получил уже соответствующее распоряжение на этот счет. Я, конечно, помню, что ты обещал замолвить за меня словечко, но... когда ты успел?!

– Да так, между делом, – пожал плечами кондуктор, уже и думать забывший о своем обещании. – Но я рад, что все получилось. Хотя погоди-ка. Это что, наша батарея уже прибыла?

– Ну конечно!

– Давно?

– Да только что!

– И ты сломя голову бросился меня искать?

– А как же иначе? Сам посуди, в Баи все только и говорят о недавней стычке с текинцами у Бендессен и твоём геройстве.

– Так уж и о «геройстве»?

– Конечно! Это ведь совершенно легендарное дело получилось. Ты с дюжиной казаков восемь часов отражал нападение трех сотен туркмен. Спас доктора. Убил вражеского предводителя. Как жаль, что я не был с тобой там!

– Не торопись, навоюешься еще, – с легкой улыбкой поспешил охладить его пыл Дмитрий. – Кстати, есть хочешь?

– Если честно, очень!

– Тогда ты вовремя. Шулюм, кажется, уже поспел.

– Что, прости?

– Сейчас узнаешь.

– Здравствуйте, Александр Александрович, – поприветствовал гостя взмокший от работы Федор. – Каково поживаете?

– Все хорошо, Федя. А ты как?

– Слава богу, – истово перекрестился Шматов на маленькую икону, видневшуюся в палатке и составляющую ее единственное украшение. – Не подстрелили еще текинцы, благодаря заступничеству Царицы Небесной.

– Погоди, а ты тоже был у Бендессен?

– А как же. Мы с Дмитрием Николаевичем, ровно иголка с ниткой, куда он – туда и я.

– Славно.

– А то. Кушать будете?

– Если угощаешь, так отчего же нет?

– Тогда присаживайтесь, у нас все готово.

– Какой интересный стакан! – обратил внимание гардемарин на посуду. – На бутылку похож, только без горлышка.

– Бутылка и есть, – усмехнулся Будищев, – точнее была. Солдаты наловчились делать.

– Но как?!

– Все просто, двое обворачивают штоф в нужном месте бечевой и быстро-быстро трут ею, нагревая стекло. Потом третий обливает ее водой, после чего лишнее легко отламывается.

– Наши солдаты знают физику за гимназический курс?

– Скажешь тоже, Сашка! Они, в большинстве своем, даже слова такого никогда не слышали, но вот соображалка у них работает, этого не отнять.

– Феноменально!

Пока Дмитрий объяснял приятелю технологию изготовления стаканов в походе, Федор наполнил глиняную миску столь восхитительно пахнущим варевом и подал ее гардемарину. Тот, поблагодарив Шматова легким кивком, принял ее и зачерпнул полную ложку.

– Смотри не обожгись, – с усмешкой предостерег его Будищев.

– Постараюсь, – отвечал ему Майер, усердно дуя на свое орудие труда, после чего заглотил содержимое целиком и широко раскрыл глаза от удивления. – Чудный супчик. Bravo, Федя!

Ты где научился так хорошо готовить? Ей-богу, даже не помню, когда я в последний раз ел нечто подобное!

– Где уж мне, – простодушно отозвался денщик. – Это все Дмитрий Николаевич...

– Вот как? – искренне удивился молодой человек и вопросительно посмотрел на своего бывшего соседа.

– Хобби у меня такое, – выразительно взглянув в сторону Федьки, ответил тот. – Даг один знакомый научил в свое время.

– Кто, прости?

– Да так, один знакомый из Дагестана. Не забивай себе дурным голову и кушай. Наедай шею, как у быка... хвост.

– С удовольствием.

Немудренное блюдо из вареной баранины настолько пришлось по вкусу проголодавшемуся за время пути Майеру, что он непременно объел бы своего товарища вместе со слугой, но неожиданно появился вестовой от Скобелева и передал категорический приказ Будищеву вместе со Шматовым немедленно прибыть к генералу. Быстро накинув успевший изрядно потрепаться китель, Дмитрий прицепил на пояс кортик и револьвер, приведя своего гостя в восторг столь боевым видом. Федька тоже приделся в солдатскую кумачовую рубаху⁶ без погон и приколот к ней крест, пожалованный ему во время вой ны с турками самим цесаревичем. Завершала его наряд внушительная кобура с револьвером Галана.

– Да ты просто герой! – не удержался от ухмылки гардемарин.

– Смейся-смейся, – добродушно отвечал ему кондуктор, – а Федор из этого чуда техники трех текинцев разом завалил и жизнь мне спас.

– Неужели правда? – изумился Майер.

– Ага, – кивнул Шматов. – Только на четвертого патронов не хватило, а Дмитрий Николаевич в него как ножик свой швырнет, и прямо в сердце супостату. Так что он мне тоже жизнь спас.

– Федя – ты мой кумир!

– Хорош лясы точить, а то Скобелев с нас такую шкуру за опоздание соскоблит, что мало не покажется.

Как выяснилось, командующий вызвал не только Дмитрия, но также всех уцелевших участников вчерашнего дела. Осталось их, к сожалению, не так много. Двое погибло на месте, еще один – Ефим Дудка – отдал богу душу уже после боя, а доктор Студитский и еще трое казаков отправились в госпиталь. Так что теперь в строю стояло всего лишь десять человек, включая Дмитрия, фон Левенштерна и отчего-то их слуг.

Барону это обстоятельство казалось донельзя странным, но такова была воля начальства, спорить с которой он не решился. Шматов встал в строй совершенно спокойно, как будто давно ждал этого, а вот Зандерс, казалось, растерял большую часть своей флегматичности и выглядел немного растерянно.

– Смирно! – прокричал кто-то из офицеров, и из кибитки вышел Скобелев.

– Здорово, молодцы! – обратился он к охотникам и с удовольствием выслушал их ответ.

Затем вперед вышел штабной подполковник и, держа перед собой на вытянутых руках лист бумаги, зачитал приказ:

– Много было слышно о непревзойденных качествах текинских наездников, их храбрости и непобедимости! Однако не далее чем вчера малая горстка наших воинов вступила в схватку с превосходящими их в тридцать раз ордами кочевников и не только не погибла, но и вышла из оной победителями. Так что теперь знайте: если вы будете так же храбры и дисциплинированы, то никакой враг вам не страшен! Всех участников этого славного дела я своей

⁶ Красные гимнастерки носили в лейб-гвардии стрелковом батальоне.

властью награждаю знаками отличия военного ордена. Генерал-адъютант Скобелев. Приказ прочитать в ротках, сотнях, батареях!

Едва офицер закончил читать, командующий двинулся вдоль строя и приколот каждому из казаков на грудь георгиевский крест. Последними удостоились этой чести побледневший как смерть фон Левенштерн и Будищев. Смерив их после награждения внимательным взглядом, генерал внушительно заявил:

– Что касается вас, господа, а также доктора Студитского, я взял на себя обязанность сообщить о вашем поведении в бою государю. Уверен, он не оставит вас своей монаршей милостью и каждому воздаст по заслугам.

Последние слова прозвучали довольно двусмысленно, но Скобелев еще не закончил и повернулся к стоящим навтыжку слугам.

– Как зовут?

– Сто тридцать восьмого Болховского полка запасной ефрейтор Шматов! – отрапортовал Федор, преданно поедая Белого генерала глазами.

– Ян Зандерс, – с сильным акцентом отвечал латыш.

– Это тебе, кавалер, – с легкой усмешкой протянул ему командующий большую серебряную медаль «За храбрость» на георгиевской ленте, а курляндцу такую же, только малую.

– Служу Богу, государю и Отечеству! – гаркнул Федька, едва не прослезившись от нахлынувших на него чувств.

Измученный Зандерс тоже что-то промычал, но что именно, никто не разобрал, кроме, может быть, фон Левенштерна, понимающего латышскую речь. Однако последнему было сейчас не до того. Слухи о том, что он якобы предлагал своим подчиненным сдаться, успели облететь весь лагерь, по пути, как водится, обрастая все новыми и новыми подробностями. Казаки-таманцы смотрели на него просто как на зачумленного, а прочие с недоверием или даже осуждением. Возможно, дело было в его немецком происхождении и том высокомерии, с которым он его постоянно подчеркивал. И вот теперь, казалось бы, сам Скобелев наградил его наравне со всеми, и честь барона спасена, но замолчат ли злопыхатели?

Тем временем награжденных обступили товарищи и сослуживцы и принялись поздравлять с высокой наградой. Особенно много было казаков, радовавшихся за своих станичников и однополчан. Они обнимались, хлопали друг друга по плечам, кого-то хотели даже качать, но на глазах у начальства не решились.

– Мои поздравления, барон! – неожиданно протянул уряднику руку хорунжий, в котором Будищев сразу же опознал Бриллинга.

Согласно уставам, офицерам запрещалось обмениваться рукопожатиями с нижними чинами, но в Туркестане на многие мелкие нарушения дисциплины смотрели сквозь пальцы. К тому же Бриллинг и фон Левенштерн были чуть ли ни единственными настоящими немецкими аристократами в этих богом забытых землях. В общем, они не то чтобы приятельствовали, но частенько общались на дружеской ноге. Это Дмитрий знал совершенно точно.

– Благодарю, – кивнул вольноопределяющийся.

– Я смотрю, вы тоже отличились? – обернулся на Дмитрия бывший лейб-гусар.

– Совсем немножко, ваше благородие, – с легкой иронией отозвался тот.

– Нет, Карл, – с неожиданной горячностью заговорил курляндец. – Герр Будищев – есть прекрасный стрелок, и наш успех во многом зависит от его меткость!

– В самом деле? – иронически приподнял бровь хорунжий. – Неожиданно для моряка.

Кондуктор в ответ лишь развел руками, дескать, так уж получилось, не обессудьте. Полковой адъютант пренебрежительно хмыкнул, а барон продолжил, показывая на крест.

– Я сегодня вечером намерен устроить маленький торжество, по случаю этого. Приходите, я будет рад!

– Непременно, – с готовностью отозвался Дмитрий, с трудом скрыв довольную усмешку.

Начальник морской батареи лейтенант Шеман слыл весьма требовательным и строгим офицером. Вверенные ему люди и техника всегда содержались в образцовом порядке. Поступивший под его начало Майер даже как-то пошутил, что будь под началом лейтенанта даже его родной отец, он и его бы разнес за малейшую неисправность. Все это никоим образом не мешало уроженцу Финляндии быть хорошим товарищем и заботливым командиром, но служба у него всегда была на первом месте.

– На кого вы похожи, Будищев? – нахмурился он, увидев наконец-то своего подчиненного.

Тот и впрямь выглядел по сравнению с другими моряками несколько небрежно. Мундир его был изрядно потрепан и носил явные следы ночевки у костра. Вместо сапог на ногах красовались поршни из сырой кожи, воротничок рубашки, мягко говоря, не поражал свежестью. Разве что оружие содержалось в образцовом порядке, хотя его и было куда больше, чем положено по уставу. В общем, не было бы преувеличением сказать, что кондуктор имел вид, что называется, лихой и придурковатый.

Дмитрий в ответ окинул внимательным взглядом с иголки одетого лейтенанта и ответил без тени улыбки:

– Готовьтесь, ваше благородие. Скоро вы будете выглядеть точно так же.

– Да неужели?!

– Здесь пустыня, господин лейтенант. Воды едва хватает для питья, отчего мытье становится невообразимой роскошью, а про стирку и говорить нечего. Сапоги, если их не сменить на более удобную обувь, в здешней жаре быстро угробят вам ноги.

– Все настолько плохо? – задумался офицер. – Нет, мы уже успели испытать определенные неудобства, но пока что мы справлялись.

– Неужели с вами не поделились опытом артиллеристы?

– Да они говорили что-то подобное, но я, признаться, не придавал этому большого значения. Тем более что едва мы присоединились к четвертой батарее, как Скобелев приказал арестовать на сутки ее командира за беспорядок. Что, впрочем, совсем не удивительно, принимая во внимание внешний вид его подчиненных.

– Капитана Полковникова наказали за то, что батарея не успела выступить к указанному времени, – почтительно возразил Дмитрий, хорошо знавший эту историю. – И, к слову, совершенно напрасно. Они только-только получили новые орудия и зарядные ящики. Нехватка личного состава почти треть от штата, а тут еще пушки без колес оказались, пришлось представлять их со старых. В общем, неудивительно, что они замешкались, но тут наш генерал беспощаден. А на форму, поверьте, он и внимания не обратит.

– Хорошо, я вас понял. Давайте лучше перейдем к делу. Итак, как вы, вероятно, уже знаете, в нашей батарее два скорострельных морских орудия и восемь митральез Барановского – Будищева. То есть вашей конструкции. Расчеты составлены из моряков Балтийского флота и Каспийской флотилии. Ездовые приданы здешними артиллеристами. Сборная солянка из разных бригад. С гардемаринном Майером вы, как я понимаю, уже знакомы. Вы с ним будете моими помощниками. Его превосходительство, по всей видимости, будет использовать наши пушки и картечницы в разных местах, а посему вам следует обучить гардемарина всему необходимому, чтобы он смог при необходимости действовать самостоятельно.

– Есть!

Хотя барон фон Левенштерн и не выслужил еще эполеты, он все же, как человек светский, а паче того – обладающий средствами, был принят в офицерском обществе. А потому его приглашение на торжество или проще сказать – «вечеринку», посвященную награждению, никто не проигнорировал. Жизнь в отдаленных гарнизонах вообще довольно скучна, а тут такой повод для веселья! К тому же в числе многочисленных недостатков курляндца совер-

шенно отсутствовала жадность, и можно было быть уверенным, что на угощение тот не поску-
пится.

И в самом деле, импровизированные столы ломились от всего самого лучшего, что только
могли предоставить здешние маркитанты. Сервировка, конечно, уступала, но дело было в
походе и прекрасных дам вокруг не наблюдалось. Суровым же воинам было все равно, из чего
есть и, самое главное – пить. А пили они как не в себя, а потому неудивительно, что через
некоторое время стали заговариваться.

– Господа, – с пьяной развязностью провозгласил Майер. – Я предлагаю тост за нашего
героя – Эдгара!

– Сашка, ты – пьян! – перебил его Шеман, тоже бывший в числе приглашенных. – Мы
уже несколько раз за это пили.

– Тебе что, жалко? – изумился гардемарин и в два глотка вылакал содержимое своего
стакана.

– Отчего же не выпить за хорошего человека, – прогудел сидящий с другой стороны стола
сотник Таманского полка и последовал его примеру.

– И то верно, – поддержал однополчанина Бриллинг.

– Будищев, а отчего вы не пить? – поинтересовался виновник торжества у скромно сидя-
щего в сторонке кондуктора. – Вас что-то тревожить?

– Ну что вы, – улыбнулся в ответ Дмитрий и перевернул свой стакан, чтобы показать
присутствующим несправедливость обвинения.

– Интересно, что там нынче в России? – с легкой тоской в голосе поинтересовался артил-
лерист поручик Берг. – Так давно никаких новостей не было.

Несмотря на свою немецкую фамилию, долговязый Берг, может быть, более русский, чем
многие коренные великороссы. Впрочем, для фон Левенштерна он прежде всего – немец, и
именно потому находился в числе приглашенных. Барон вообще постарался пригласить только
своих. Единственные исключения – казачьи офицеры из Таманского полка, Будищев и Шеман,
который, строго говоря, финн.

– Вы так вздыхаете, будто у вас там невеста, – ухмыльнулся Бриллинг.

– Да, – простодушно отозвался поручик. – А как вы догадались?

Разговор, только что шедший исключительно о прошедших и о грядущих боях и сраже-
ниях, немедленно переключился на дам. У кого-то в центральной России или на другом берегу
моря остались возлюбленные, у других жены, у третьих разбитые сердца. Впрочем, последних
было немного. Все-таки большинство из гостей были довольно молоды.

И как это весьма часто бывает в мужском обществе, рассказанные истории с каждой
минутой становились все похабнее и похабнее, вскоре скатившись к совсем уж неприличным
историям, какие рассказывают друг другу только безумные юнкера да пьяные вусмерть гарни-
зонные офицеры. Однако надо отдать должное присутствующим, повествуя о своих «победах»
или забавных случаях, они никогда не называли имен своих пассий.

В самом скором времени вниманием собравшихся всецело завладел Бриллинг. Надо
отдать ему должное, рассказывать он умел и хранил в своей памяти просто невероятное коли-
чество пикантных приключений. Гости и хозяин просто покатывались со смеху, слушая быв-
шего лейб-гусара, а он, видя к себе подобное внимание, только подбавлял жару.

– Ох, уморил, проклятый! – булькал от хохота сидевший рядом с ним сотник. – Это же
надо такое выдумать.

– Я, сударь, говорю только чистую правду! – строгим голосом отвечал ему хорунжий,
вызвав тем самым новый приступ веселья.

– Может, вы что-нибудь расскажете, господа моряки? – попытался сменить тему смущен-
ный небывалым количеством скабрзностей Берг, обращаясь к Шеману с Майером. – Не столь
неприличное...

– Моряки и «не столь неприличное», – закисли со смеху остальные, – ну ты, брат, даешь...

– Я право, худой рассказчик, – покачал головой гардемарин. – Если вам угодно пикантный анекдот, не утративший еще новизны, обратитесь к Будищеву, вот уж кто знает их огромное количество!

– Мой друг немного преувеличивает, – попытался соскочить кондуктор, но не тут-то было.

– Просим-просим! – раздались со всех сторон возгласы, и ему пришлось уступить.

– Увы, столь богатым опытом, как господин Бриллинг, я похвастать не могу, – с видимой неохотой начал он, – но однажды мне случайно довелось слышать, как одна чухонская девица исповедовалась пастору. Дескать, святой отец, отпустите мне грех, ибо меня изнасиловали. «Разумеется, дочь моя, – отвечает тот, – если ты упиралась!» – «Конечно же, я упиралась! Руками в забор...»

Последние его слова довели присутствующих едва ли не до истерики. Особенно сильно смеялись казаки, которым эта история показалась ближе, чем великосветские сплетни Бриллинга. Остальные, впрочем, не отставали.

Так уж случилось, что память Дмитрия сохранила множество еще не придуманных в конце XIX века анекдотов, откровенности которых французские пикантные романы могли только позавидовать. Нужно было лишь немного адаптировать их к окружающим реалиям, но с этим он справился.

Наибольший успех имел рассказ о некоем английском офицере, присланном из Туманного Альбиона учить османских артиллеристов. Большинство из присутствующих принимали в недавней войне с турками непосредственное участие, а потому слушали с неослабным вниманием.

– Так вот, господа, – с самым серьезным видом рассказывал Будищев. – Приняли британца со всем возможным почетом, даже приставили к нему слуг, в том числе и женского полу. И, как водится, одна из таких служанок оказывала белому господину столь явное благоволение, что он не устоял. Не желая ударить в грязь лицом перед представительницей Азии и посрамить тем самым Европу, достопочтенный сэр очень старался и был несколько раз удостоен крика: «Карабучо!»

– А что это значит? – удивился Майер, имевший некоторое представление о восточных языках.

– Англичанин решил, что это похвала, – пожал плечами Дмитрий. – И на ближайших учениях, решив похвалить своих турецких подчиненных, тоже крикнул: «Карабучо!»

– И что же случилось?

– К нему подошел переводчик и удивленно спросил: почему белый господин сказал, что топчи⁷ сунули снаряд не в ту дырку?

Некоторое время захмелевшие слушатели молчали, пытаясь понять, в чем соль. Первым догадался, как ни странно, скромняга Берг и, прикрыв рот рукой, скорчился от хохота. Затем за ним последовали остальные, и только барон фон Левенштерн с недоумением переводил взгляд с одного смеющегося на другого, пытаясь понять, что же их так развеселило.

– Ох, уморил, разбойник! – вытирая невольные выступившие слезы, простонал сотник. – Так их, сукиных детей, что турок, что англичан, попили они нашей кровушки, аспиды.

Справедливо имевший славу первого полкового остряка, Бриллинг поначалу смеялся вместе со всеми, но затем, отчего-то почувствовал себя уязвленным. Выпей хорунжий хоть немного меньше, он, вероятно, сумел бы скрыть свои чувства, но теперь не имел сил унять антипатию, которую он подспудно чувствовал к этому странному моряку. Как будто они встре-

⁷ *Топчи* – турецкие артиллеристы.

чались прежде при каких-то неприятных обстоятельствах, но он никак не мог припомнить, при каких именно.

– Кстати, господа, – попытался он вернуть к себе внимание новой историей. – Совсем недавно до меня дошли слухи, что одна дама, с которой я был близко знаком прежде, поступила в сестры милосердия и отправилась в наши края с миссией Красного Креста.

– И кто же эта таинственная дама? – скривил губы в недоверчивой усмешке Майер.

– Офицерская честь не позволяет мне открыть ни ее имя, ни титул, – подпустил туману хорунжий. – Скажу лишь, что она принята в свете и ее отец занимает высокое положение при дворе.

– И насколько близко вы были знакомы?

– Я бы сказал, более чем.

– Уж не хотите ли вы сказать, что эта дама последовала за вами?

– Именно так. Посудите сами, зачем ей покидать свет и ехать к черту на рога, если только не по зову сердца?

– Ах вы, проказник! Так у вас был роман?

– Увы, мой друг. И именно этот, как говорили в старину «марьяж», и стоил мне карьеры. Да-да, ее папаша отчего-то взъелся на меня, и мало того что отказал от дома, так и похлопотал, чтобы предмет страсти его обожаемой дочери убрали из Петербурга. Но, как видите, его усилия пропали втуне.

– Великосветская дама с титулом и высокопоставленным отцом, кто же это мог быть? – задумался вслух Майер.

– А я слышал, что ваше благородие вылетели из гвардии за скандал в ресторане, – с кривой усмешкой заметил Будищев.

– Что?! – вскинулся Бриллинг.

– Говорили еще, что какой-то купец лейб-гусара не то по матушке послал, не то сразу в бубен зарядил...

Большинство из присутствующих были изрядно навеселе, а оттого не сразу поняли, о чем говорит кондуктор. И прояви хорунжий больше выдержки, ему наверняка удалось бы обратить все в шутку или обернуть слова моряка против него самого, но в этот момент он узнал давнего обидчика и, против своей воли, вскочив с места, крикнул:

– Так это ты?!!

– Признали кого, ваше благородие? – издевательски отозвался в наступившей тишине Будищев.

– Я... я... я тебя убью!!!

– Да вы, батенька, надрались, – сочувственно покачал головой Дмитрий.

Взбешенный Бриллинг попытался схватиться за пашку, но привычные к таким сценам офицеры сумели пресечь назревающий скандал.

– Кажись, нам пора! – не терпящим возражений голосом заявил сотник. – Завтра догугтарим, коли охота будет.

– Честь имею! – кивнул ничего толком не понявший Майер и щелкнул каблуками.

– Мы тоже пойдем, – согласно кивнул Шеман и решительно приказал подчиненным: – За мной!

– Что есть случиться? – широко распахнул глаза вообще ничего не сообразивший фон Левенштерн.

– Все было зашибись, братан, – тихо, практически про себя, ответил Будищев. – Даже никто не подрался.

На самом деле, он уже злился на себя за то, что не сдержался и выдал себя своему врагу раньше времени. Просто в описании, данном Брилингом, он сразу же узнал Люсию Штиглиц, и это почему-то неприятно задело его.

– Все в порядке, барон, – поспешил успокоить хозяина лейтенант. – Просто нам, действительно, уже пора. Честь имею!

Возвратившись к себе в палатку, Дмитрий хотел было что-нибудь пнуть с досады, но заметив, что Федор мирно спит, решил не шуметь. В самом деле, злиться следовало только на себя. Ну, какое ему дело до хвастовства бывшего лейб-гусара? Хочет из себя корчить героя-любовника, да и флаг ему в руки... пусть потешится перед смертью! Еще пару дней потерпеть, и словил бы господин Бриллинг шальную пулю от неведомого джигита. «Царство Небесное», как говорится. Спи спокойно, дорогой товарищ, мы за тебя отомстим. Тьфу!

А теперь что? Пока не начался поход, люди просто звереют от скуки. Так что о ссоре моряка и таманца завтра не будут знать только глухие. То, что один из них хорошо стреляет, причем на такие дистанции, что местным стрелкам и не снилось, многим хорошо известно. И вот как теперь господина хорунжего на тот свет отправлять? Его там вообще-то черти заждались и подельникам без него скучно...

Занятый такими мрачными мыслями, Будищев машинально стащил с ног сапоги, надевшие по случаю гулянки у Левенштерна, и скинул китель, После чего растянулся на своем тюфяке и, взведя по привычке курок у «смит-вессона», неожиданно быстро уснул.

– Граф, вставай, – выдернул его из сонного забытья встревоженный голос Шматова.

– Не вставай, а вставайте, – зевнул он, переворачиваясь на другой бок.

– К тебе посыльный пришел из штабу!

– Не к «табе», а к вам, – отозвался Дмитрий, пытаясь натянуть на глаза шинель, заменявшую ему в холодные ночи в пустыне одеяло.

– Да на хрена он нам нужен! – рассвирепел обычно кроткий Федор и решительно дернул своего «барина» за торчащую из-под шинели босую ногу. – Людским языком табе сказано, пришел посыльный! Скобелев требует!

– Брррр, – удивленно потряс головой кондуктор. – А зачем?

– А вот не доложили мне, – огрызнулся денщик.

– Ладно, – подскочил уже совершенно проснувшийся Будищев. – Умыться есть из чего?

– И умыться есть, и побриться, а чаю попьешь, когда вернешься от генерала.

– А если он меня пошлет, куда Макар телят не гонял?

– Значит, не попьешь.

– Дай хоть просто холодной воды, а то в горле пересохло...

– Пить надо меньше.

– Федя, блин!

– Я уже двадцать пятый год как Федя, – буркнул в ответ Шматов, подавая стакан воды, перемешанной с клюквенным экстрактом.

В штабной кибитке его, помимо мрачного как черт Скобелева, ждали командир таманцев полковник Арцишевский и начальствовавший над моряками лейтенант Шеман. Стало ясно, что речь пойдет о вчерашнем инциденте, и ничего хорошего от этого разговора ожидать не приходилось.

– Здравия желаю вашему превосходительству! – со всем возможным почтением поприветствовал генерала Будищев.

– Нет, вы только на него полюбуйтесь, – ухмыльнулся командующий. – Хорош, нечего сказать!

– Покорнейше благодарю!

– Будищев, не юродствуйте! Любого другого унтер-офицера за подобный фокус ожидало бы разжалование. Но вы известный изобретатель, можно сказать ученый, и... да к черту ваше изобретательство! Если бы я не чувствовал себя обязанным за спасение Студитского, вы сегодня же встали бы в строй рядовым, и, смею заверить, никакие высокопоставленные особы не защитили бы вас!

– Осмелюсь спросить, ваше превосходительство, уж не идет ли речь о нашей размолвке с хорунжим Бриллигом?

– Размолвке? Нет, каково?! Да будь вы офицером, такую размолвку можно было бы решить только у барьера!

– А доложили ли вашему превосходительству, из-за чего произошел этот инцидент?

– Да какое это имеет значение?!

– Ну, если честь дочери военного министра не имеет значения...

– Молчать! – рявкнул раздосадованный наглыми возражениями кондуктора Скобелев, но тут же осекся и, настороженно глядя на Дмитрия, спросил: – А при чем здесь графиня Милютина?

– Значит, не доложили, – бесстрастно пожал плечами Будищев.

– Говорите!

– Как прикажете. Так вот, их благородие хорунжий Бриллиг, рассказывая о своем успехе у дам, упомянул, что сюда в качестве сестры милосердия направляется его давняя любовница, у которой высокопоставленный отец и титул. И что именно их связь и была причиной его перевода из гвардии.

– Что, прямо так и сказал? – хмыкнул Скобелев и вопросительно обвел глазами присутствующих.

Арцышевский в ответ только пожал плечами, дескать, не знаю, а вот присутствовавший на гулянке Шеман утвердительно кивнул.

– И что? Нет, он, конечно, свинья, но...

– Ваше превосходительство, так уж случилось, что большую часть пути из Петербурга я провел рядом с графиней Елизаветой Дмитриевной. Скажу больше, я имел честь оказать ее сиятельству некоторые услуги.

– Это все, разумеется, прекрасно, но неужели вы всерьез думаете, что Бриллиг говорил о графине Милютиной?

– Я понятия не имею, о ком говорил хорунжий. Но много ли среди здешних сестер милосердия имеют одновременно и титул, и высокопоставленного отца, способного запросто выкинуть офицера из гвардии?

– А ведь верно! – крутнул головой полковник и, стащив с головы лохматую кавказскую папаху, вытер лысину платком.

– И я совсем не уверен, что его высокопревосходительству понравится, что ваши подчиненные полощут имя его дочери, – поспешил добавить Дмитрий, но тут же нарвался на яростный взгляд Скобелева.

– Благодарю за заботу, кондуктор, но побеспокойтесь лучше о себе!

– Так точно! – вытянулся тот, сообразив, что перегнул палку.

– Выйдите и подождите снаружи, – велел генерал и, дождавшись, когда Будищев покинет кибитку, обратился к офицерам: – Что скажете, господа?

– Трудно сказать что-либо определенное, – осторожно начал первым, как самый младший в чине, Шеман. – Но в одном наш изобретатель прав. Даже если Бриллиг выдумал все от начала до конца, в героине его басни все равно узнают графиню Милютину. И, смею утверждать, ничего хорошего из этого не выйдет.

– А вы думаете, хорунжий мог это все выдумать?

– Я так кажу, – пробасил Арцышевский, в голосе которого от волнения прорезался мало-российский выговор. – Як офицер, Бриллиг справный, а як людына – дуже поганый! Колы бы не связи, так его в адъютанты ни в жизнь бы не взяв. А шо до их ссоры, то нехай уси пропанують, шо вони просто поцапалысь, а ни якої дочки министра зосим не було! А шобы люди не думали дурного, то нехай возьмут по пістолю, та и прострелят друг дружке головы.

– Дуэль?

– А шо? Усим только краще будет.

– Осмелюсь доложить, – вмешался Шеман, – что Будищев не дворянин и не офицер. Так что дуэль между ним и Бриллингом невозможна. К тому же мне приходилось видеть, как он стреляет. Это будет просто убийство.

– Ну, положим, хорунжий тоже не за печкой уродился, не говоря уж о том, что он, как оскорбленная сторона, имеет право на выбор оружия. Выберет шашку и дело с концом. Хотя, кто, говорите, по происхождению ваш кондуктор?

– Вообще из крестьян Ярославской губернии. Однако, будучи в Петербурге, вступил сначала в мещанское сословие, а потом и в купеческое. Ну и судя по участию в его судьбе графини Блудовой, он все-таки бастард ее брата.

– Нет-нет, этого только не хватало. Дуэль офицера с купцом... какая нелепость.

– Та и тьфу на их, – хитро усмехнулся Арцишевский. – Пес колы не бачит, то вин и не гавкает. Развести хлопчиков подальше друг от друга и пусть служат. А после войны нехай хочь рубятся, хочь стреляются, хочь на кулачки бьются. Наше дело сторона.

– А вот это дельно. Как вам наверняка известно, господа, нам в самом скором времени предстоит рекогносцировка. Лазутчики доложили, что Махмуд-кули-хан намеревается напасть на аулы здешних йомудов, чтобы наказать их за нежелание воевать с нами. Вот пойдем и поговорим с текинцами накоротке. Я намерен взять с собой половину ваших митральез, лейтенант. Так что распорядитесь, чтобы с ними отправился наш кондуктор. Пусть опробует свое изобретение в настоящем деле.

– Есть!

– А вы, полковник, отправьте своего подопечного с полусотней казаков в Михайловское укрепление. Так сказать, на усиление.

– Слушаюсь.

– Только строго-настрого предупредить обоих, чтобы больше по-пьяному языками не трепали!

Наконец-то поход! – разнеслось по русскому лагерю в Бами. Наконец-то настоящее дело, ради которого тысячи людей, оторванных от своих семей и привычных занятий, собрались на краю земли. Хотя последнее относится только к солдатам, а для офицеров нет и не может быть иной доли, кроме военной. А потому каждый из них всеми силами души рвется в бой. Там в грохоте и пламени сражений найдет он свое счастье – новый чин или орден с мечами, прямо указывающими, что получен оный не за пропахшую нафталином безупречную службу, а за настоящее геройство!

Ну, а уж коли суждено быть раненым или, паче того, убитым... что же, пуля виноватого найдет! Именно так и говорят эти склонные к фатализму суровые служители Марса. Если же рана кажется не смертельной, то упоминание о ней выгодно украсит формуляр выжившего, а уж коли совсем не повезет... что же, одной скромной офицерской могилкой на чужбине станет больше. Выпьют за павшего товарища его друзья, всплакнут, быть может, о потере родные, да горько завоюет маркитант, узнав, что некому будет отдать долг за выпитое и съеденное!

Но это все потом, а теперь надо приготовиться к походу. Получить патроны, припасы для солдат, фураж для лошадей и верблюдов и все это быстро, ибо всем известен крутой нрав Белого генерала!

– Господин поручик, – кричит долговязый прапорщик интенданту, – извольте приказать отпустить нам патроны!

– Господа, пропустите меня без очереди, нам выступать первыми! – пытается урезонить толпящихся вокруг товарищей по несчастью усатый штабс-капитан.

– Ваше благородие, – лезет с запиской от командира батареи коренастый фейерверкер, – так что их высокоблагородие просят отпустить сена!

Все это сопровождалось всеобщей суетой и руганью. Штабные офицеры бегали с приказами, начальство грозило подчиненным всевозможными карами, солдаты тащили на себе мешки и ящики с различными припасами, лошади испуганно ржали и даже обычно невозмутимые верблюды волновались и время от времени ревели так, будто их режут.

И за всем этим с тоской наблюдали те, кого в поход не взяли. Увы, Скобелев решил обойтись крайне незначительными силами, а посему большинство солдат и офицеров останутся в Баи. И тем и другим стоянка уже осточертела, хочется настоящего дела, но... их не взяли. И теперь им оставалось только смотреть на своих более удачливых товарищей с плохо скрытой завистью.

Моряки тоже готовились к выступлению, точнее полубатарей митральез, во главе с Шеманом. Впрочем, лейтенанту заниматься хозяйственными вопросами недосуг, а потому он с чистой совестью взвалил эту почетную обязанность на Майера, которому и в голову не пришло, что он мог бы сделать то же самое.

Таким образом, пока гардемарин бегал как ужаленный от одного интенданта к другому, пытаясь выбить «все от казны положенное», ставший командиром взвода Будищев тем временем пинал болт, «осуществляя общий контроль над личным составом». Иными словами, нагрузил всех кого поймал работой, а сам немного свысока взирал на их суету, изредка давая ценные указания.

– Это же надо, столько воды! – покачал головой унтер Нечипоренко, знакомый с кондуктором еще по прошлой войне и оттого держащийся с ним почти по-приятельски.

– Еще мало будет, – смачно зевнув, отозвался строгий начальник.

Справедливости ради, надо заметить, что накануне Дмитрий самостоятельно разобрал и собрал механизмы митральез, проверил все движущиеся детали, заменил смазку и от всего этого чертовски устал. Так что теперь ему было просто влом отвечать на дурацкие вопросы.

– Дык, сколько туда ее влезет? – простодушно удивился один из молодых матросов. – Кубыть трети довольно было бы.

– Пустыня кругом, дурик! – цыкнул на него унтер, погрозив кулаком. – Выкипит, глазом моргнуть не успеешь!

– Ну, рази что выкипит, – поспешно согласился тот, уважительно поглядывая на пудовые кулаки Нечипоренко.

Тут появился тяжело нагруженный припасами Шматов и вопросительно посмотрел на своего «барина», дескать, куда это все девать? На обоих плечах денщика висело по хурджину с разнообразной снедью, закупленной перед походом у Петросяна. Рядом с ним, тяжело дыша, стоял матрос, у которого припасами заняты не только плечи, но и руки.

– Тащи туда, – скомандовал Будищев и, стряхнув с себя усталость и апатию, бросился укладывать принесенное.

Артиллерийские офицеры в походе – самые счастливые люди, оттого, что в передках и зарядных ящиках их пушек всегда довольно места, которое можно употребить не только под бомбы, шрапнели или заряды. Поэтому-то у них на бивуаках всегда найдется выпивка и закуска, вызывающая неизменную зависть у пехоты.

Моряки в сухопутных делах были еще очень неопытны, даже не подозревали о некоторых тонкостях походной службы. Зато у кондуктора, ставшего волею судьбы командиром взвода, опыта хватало на целую дивизию, и теперь он беззастенчиво пользовался выпавшими ему возможностями.

– Ашот не бухтел? – поинтересовался Будищев у Шматова.

– А что ему? – удивился тот, не зная всех подробностей взаимоотношений маркитанта и «барина». – Расплатились мы с ним честь по чести, пусть радуется, что таковые клиенты есть.

– И сильно радовался?

– Ну кривил рожу маленько... может, зубы болели?

– Наверное.

Тут на батарее наконец-то появился уставший как черт Майер в сопровождении матросов, тащивших последние мешки и ящики с припасами.

– Кажется, все, – выдохнул гардемарин, обессиленно прислонившись к передку. – Ты не представляешь, сколько нервов мне стоила эта подготовка!

– Поздравляю, – отозвался Дмитрий, вытирая руки ветошью.

– Издеваешься?

– Ну что вы, ваше благородие. Как можно-с!

– Кстати, я пока стоял в очереди, переговорил с несколькими офицерами из Таманского полка, – многозначительно начал Майер.

– И о чем тебе поведали казачуры?

– Ты напрасно иронизируешь, мой друг. Многие из них встали на сторону Бриллинга и настроены крайне решительно.

– Что, прямо все?

– Нет, не все. Я бы сказал, что мнения разделились.

– Саш, не тяни kota за хвост, а лучше сразу скажи, что там за фигня?

– В общем, большинство полагает, что как только поступит известие о твоём производстве, Бриллингу следует прислать секундантов.

– На это он вряд ли решится. Скорее, наш бывший гвардиозиус попытается пришить меня до этого знаменательного момента.

– Зачем ты так говоришь? – возмутился гардемарин. – Я допускаю, что он тебе неприятен, но зачем же оскорблять человека?! Насколько я знаю, никто не может сказать, что у него нет чести...

– Никто, – охотно согласился кондуктор и после короткой паузы добавил: – Никто, кроме офицерского собрания лейб-гусарского полка и меня.

– О чем ты говоришь?

– Не бери дурного в голову, Сашка. Лучше давай сегодня отдохнем, а то завтра вставать ни свет ни заря.

– Ты думаешь?

– Я знаю. Пока всех запрягут, пока навьючат... бедлам тот еще будет. Так что приходи утром завтракать, я что-нибудь сварганю.

– Удивляюсь, зачем тебе твой Федор, если ты все можешь делать сам?

– Не все. Верблюда завтра он будет навьючивать. И лошадей запрягать. Кстати, как и твой Абабков... Слушай, есть тема!

– Какая еще тема?

– Нам ведь с тобой положено по верблюду, так ведь?

– Так.

– Во-от! А если запрячь их в арбу, то груза эти два дромадера утащат вчетверо больше!

– Заманчиво, – задумался гардемарин. – Только где же мы возьмем арбу, да еще и с упряжью?

– Хм, вопрос, конечно, интересный, – задумался кондуктор.

Найти арбу – задача и впрямь нетривиальная. Весь транспорт, что имелся в Бамаи и его окрестностях, принадлежал либо интендантам, либо маркитантам. И совершенно очевидно, что ни те, ни другие не захотят расстаться с ним ни за какие коврижки. Правда, есть еще жители окрестных аулов, и тут могут быть разные варианты... По лицу Будищева видно, что он поочередно обдумывал их все, пока, наконец, не пришел к какому-то одному.

– Федька, ты где? – позвал он денщика, но тот отчего-то не отозвался.

Как оказалось, Шматов сидел у их палатки и, вооружившись копировальным карандашом⁸, что-то старательно выводил на клочке бумаги, высунув от усердия язык. Деликатность никогда не входила в число добродетелей Будищева, а потому он беззастенчиво заглянул приятелю через плечо и громко прочитал:

– Здравствуй, дорогая моя и ненаглядная Аннушка. Ты уж прости меня за то, что я уехал не попрощавшись, а только отпустить Дмитрия Николаевича одного мне было неспособно. А ты бы меня не отпустила, хоть я бы все одно уехал...

Дмитрию на минуту стало стыдно. Ему за все время так и не пришло в голову написать хоть пару строк о своем житье-бытье Гесе или Стеше. Он вообще не привык писать письма. В прошлой жизни было особо некому. Невесты он так и не завел, а спившимся родителям не хотелось. Да, если честно, он и не знал, живы ли они, или быть может, уже умерли, сгинув в пьяном угаре.

– Я тут это... – смутился Федор, прикрывая листок рукой, – а то мало ли, в бою ить всякое бывает.

– Ну-ну, – с деланным безразличием пожал плечами кондуктор, – пиши, писатель. Можешь от меня привет передать.

– Ага, – с готовностью отозвался приятель и снова взялся за карандаш, но тут его снова прервали, на этот раз Майер.

– До чего же скучно ты пишешь, братец, – заявил он. – Если уж взялся за письмо к женщине, так не поленись и добавь каких-нибудь описаний. Окружающих красот, или еще чего.

– Скажете тоже, ваше благородие, – ухмыльнулся Шматов. – Какие уж тут красоты? Одна сплошная степь кругом, да жара, а более и нет ничего.

– Эх, Федя, ничего-то ты не понимаешь в загадочной женской натуре!

– Ты сам-то давно таким знатоком стал? – ухмыльнулся про себя Будищев, но, решив не прерывать товарища, с интересом прислушивался.

– Ну вот послушайте, – продолжал разливаться соловьем гардемарин – Громадные, нависшие над пустыней скалы, покрытые темной зеленью кипарисов, освещенные бледно-розовым светом восходящего солнца...

– Тебе бы книжки писать, – не выдержал высокого стиля кондуктор.

– А что, может, и напишу!

Федор некоторое время прислушивался к их беседе, но затем тряхнул головой, будто отгоняя наваждение, и продолжил свою работу:

«...Дмитрий Николаевич велел тебе кланяться и просил сильно на меня не гневаться, потому как ему одному тут совсем бы худо пришлось. Вдвоем-то оно куда как способнее. А ты, коли будешь у госпожи Берг по какому делу или просто в гостях, так поклонись ей и Степаниде с Семеном от нас обоих. Да скажи, что тут совсем не опасно, и сражений никаких покуда нет. Правда, Графа, то есть Дмитрия Николаевича, еще одним крестом наградили. Он даже смеялся, дескать, скоро на спину вешать придется. За сим прощаюсь, потому как надо собираться, а оказия письмо отправить когда еще будет. Верный тебе запасной ефрейтор и егорьевский кавалер Федор Шматов».

Хорошенько поразмыслив над словами Будищева, Майер все же решил, что просто отправиться спать накануне похода не годится и надо пойти к маркитанту, с тем, чтобы немного развеяться напоследок, да попрощаться на всякий случай с приятелями, остающимися в Бами. Как водится, «немного» не получилось, и он подобно многим другим офицерам как следует надрался. Отчего к себе в палатку вернулся хоть и на своих двоих, но при дружеской поддержке

⁸ Копировальный карандаш – он же химический. Карандаш, грифель которого содержал краситель, меняющий цвет при намокании.

лейтенанта Шемана. Доставив подчиненного до места, командир батареи передал его молодое и совсем еще недавно полное сил тело вестовому, после чего счел свой долг старшего товарища исполненным.

– Абабков, а где Будищев? – покачнувшись, спросил он у матроса.

– Должно в батарее, вашбродь, – отозвался тот, накрывая своего барчука буркой.

– Прелестно! – кивнул головой моряк и на минуту задумался, что делать дальше. Возвращаться к маркитанту или идти спать?

После недолгого размышления чувство долга перевесило, и лейтенант решительным шагом направился в сторону лавки Ашота.

Николай Абабков – старослужащий матрос одного из балтийских экипажей, назначенный Майеру вестовым, или говоря по-сухопутному – денщиком, относился к своему подопечному почти с отеческой заботой. Коли случалось молодому человеку выпить лишнего или проиграться в карты – наутро непременно следовало кроткое внушение. Трудно сказать, удавалось ли ему пристыдить гардемарина, но тот всякий раз смущался и обещал больше так не делать. Впрочем, матрос сам был не без греха и тоже любил заложить за воротник. Тогда их роли менялись, и уже Майер пытался выговаривать матросу. Абабков же в ответ, к вящему удовольствию свидетелей, также припоминал офицеру былое, после чего они обыкновенно мирились и вестовой получал денежку на опохмел.

Однако следующее утро обошлось без упреков и внушений, потому что все денщики оказались крепко заняты. Надо уложить офицерские вещи, навьючить их на верблюдов и все это как можно быстрее, чтобы не опоздать к выступлению. Где уж тут готовить их благородиям завтрак?! Хотя некоторым не до еды.

– Абабков, дай закурить, – почти простонал Майер, с тоской наблюдавший за тем, как тот собирается.

– Все кончились, вашбродь, – хладнокровно отвечал матрос, не выпуская изо рта дымящейся папиросы, которая еще не далее как вчера принадлежала его начальнику.

– Как это? – всполошился гардемарин.

– Да вот так! Я давеча говорил вам, что надобно прикупить...

– Но я получал припасы!

– А табак вам что? – удивился подобной непонятливости матрос, после чего вытащил из-за уха заначку и протянул ее барину.

Получив папироску, Майер с удовольствием затянулся и, подобно мифическому дракону, выпустил через ноздри целое облако дыма. За этим занятием его и застал Будищев, принесший с собой стакан обжигающе-горячего чая.

– На, попей, – хмыкнул он, поставив обрезанную бутылку рядом с приятелем. – С утра самое то!

– Спасибо, не хочу, – помотал головой молодой человек.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Дмитрий, после чего доверительно наклонился к товарищу и назидательным тоном произнес: – Только помни, избыточный опохмел может привести к запою, а недостаточный к смерти!

– Да ну тебя! – отмахнулся гардемарин, собираясь вставать.

– Ты далеко? – поинтересовался с усмешкой кондуктор. – Смотри, Шеман уже бежит по батарее и рыкает аки лютая тигра!

– К маркитанту. Представь себе, совсем забыл про папиросы.

– Тогда поторопись.

Сам он уже одет по-походному в туркменский чекмень поверх мундира. На ногах легкие поршни, отчего его можно было бы принять за местного, если бы не офицерское кепи с белым назатыльником. На поясе Будищева кобура с револьвером и кортик. Совсем без холодного оружия в походе нельзя, но сабли, палаши или шашки вызывают у Дмитрия тоску. Даже верный

«шарпс» сейчас в футляре, притороченном к вьючной лошади, ибо главное его оружие в этом походе – пулеметы.

Поставленные на неповоротливые лафеты, они напоминали скорее небольшие артиллерийские орудия и имели точно такую же подвижность. Изготовленный им трехногий станок на вооружение принят не был, поэтому так и остался в единственном экземпляре. Шеман хоть и возражал поначалу, но все же взял его с собой, за что ему отдельное спасибо.

Их отряд был составлен в лучших традициях русской армии, иными словами с бору по сосенке. Две роты Самурского полка. Одна Красноводского батальона и взвод стрелков из Кавказского. Две сотни казаков Полтавского и одна из Таманского полков. Артиллерию представляли одна ракетная батарея, четыре дальнобойные и две горные пушки из двадцатой бригады и их морская полубатарея. Плюс к тому шли взвод саперов и оркестр Дагестанского полка. Всего вместе с нестроевыми получилось шестьсот шестьдесят штыков и сабель, при десяти орудиях (если считать вместе с митральезами). Продовольствия брали на двенадцать дней. По сто двадцать патронов на пехотинца и по восемьдесят у кавалеристов.

Боезапас для картечных, согласно приказу Скобелева, должен был составлять три тысячи патронов на каждую, на этот счет у Будищева были свои соображения. Он вообще считал, что поскольку быть сильным везде все равно не удастся, батарею не следуют разделять. Восемь пулеметов обладали не меньшей огневой мощностью, чем весь русский отряд, выделенный для рекогносцировки, и сосредоточенные в одном месте запросто подавят любые массы противника, но... Скобелев принял решение, и Шеман не собирался с ним спорить. Поняв это, Дмитрий просто приказал уложить в передки и на вьюки все имеющиеся в их распоряжении огнеприпасы. Получилось примерно по пять тысяч выстрелов. Негусто, но всяко лучше, чем раньше.

– На молитву, шапки долой! – разнеслась над строем команда, и все послушно обнажили головы.

«Как же без этого», – скептически хмыкнул про себя Будищев, но вдруг не без удивления понял, что молебен не вызывает у него раздражения. Наверное, привык. Стоявший неподалеку Шматов, в отличие от своего «барина», молился истово, проговаривая про себя каждое слово, и размашисто осенял себя крестным знаменем, пока полковой батюшка не закончил, и не последовала команда:

– Накройсь!

Вернув кепи на голову, Дмитрий повернулся в сторону Майера и, увидев его довольную физиономию, не удержался от вопроса:

– Что такой радостный?

– Успел, – расплылся в улыбке гардемарин.

– Куда?

– Папиросы успел взять!

– Красавчик! – усмехнулся кондуктор, но тут же согнал с лица неуместную улыбку, поскольку перед войсками появился Скобелев.

– Здорово, братцы! – крикнул Белый генерал. – Поздравляю с первым боевым походом! Нынче мы пойдем вперед до тех пор, пока не встретим текинцев, а встретим – разобьем. Много говорят про них, но мы докажем, что они такие же халатники, как все в Средней Азии. Вы меня не знаете, и я вас не знаю; но я про вас много слышал, да и вы про меня также слышали. Теперь пойдем, и я вам покажу, кто я таков, а вы мне тоже покажете, что вы за молодцы. Итак, с Богом, вперед! Прогремите про Белого царя и про матушку Русь!⁹

– Ура! – загремело ему в ответ.

– Ура, – кричали казаки и пехота, артиллеристы и саперы.

⁹ Подлинная речь Скобелева перед рекогносцировкой.

- Ура! – слышалось из рядов, остающихся в Бами и уходящих в поход.
- Ура! – кричал вместе со всеми Дмитрий, увлеченный всеобщим порывом.
- Ура! – несло со всех сторон, а некоторые принялись срывать с себя шапки и кидать их в воздух, приветствуя своего вождя.
- С эдакими молодцами, да не победить! – крикнул напоследок Скобелев и, ударив своего коня шпорами, понесся вдоль строя.

В путь русский рекогносцировочный отряд двинулся уже вечером. Шли всю ночь, лишь иногда делая короткие привалы, для отдыха. Поначалу все было хорошо, солдаты бодро шагали по песку, изредка перебрасываясь между собой короткими фразами или шутками. В авангарде шла кавалерия, скоро вырвавшаяся вперед, впрочем, не настолько, чтобы считать отряд разделившимся. За ними шла артиллерия, сначала дальнобойные пушки, потом горные, а за ними моряки. После двуколок с митральезами две роты пехоты, затем обоз, а в арьергарде дефилировала полусотня полтавцев.

Увы, с наступлением утра эта идиллия подошла к концу. Поднявшееся из-за барханов солнышко начало все сильнее и сильнее припекать, и скоро не стало слышно ни разговоров, ни прибауток.

– Ох и жарко, – выдохнул Шматов, прикладываясь к баклаге. – Горло пересохло, мочи нет!

- Поберег бы воду, – хмуро заметил шагающий рядом Будищев.
- А на что? – искренне удивился приятель. – В Бирме новой наберем.
- Где? – сбился с шага от неожиданности Дмитрий.
- Ну в этом, как его... их высокоблагородие говорили...
- Беурме?
- Ага, в ей.
- Угу, а текинцы типа не знают, что нас туда хрен несет?
- Может, и знают, а только что они сделают?
- Поживем – увидим, – пожал плечами Будищев и, усмехнувшись, добавил: – Хорошо еще, что тебя в Бирму потянуло, а не в Таиланд.

– А чего там в этом самом Таланде? – на свою беду поинтересовался простодушный Шматов.

Будищев в ответ мстительно улыбнулся и, наклонившись к уху товарища, начал что-то ему нашептывать. По мере того как он говорил, глаза у бедного парня делались все шире и шире, а нижняя челюсть отвисала все ниже и ниже.

– Как это девки с ентим самым... – потрясенно пробормотал он. – Граф, скажи, ты ить всю эту неподобь придумал, а? Ну не могёт такого быть...

Дмитрий же только пожал плечами, дескать, за что купил, за то и продаю, и продолжал как ни в чем не бывало шагать, посмеиваясь втихомолку над приятелем.

Надо сказать, что Федька был далеко не единственным, кто не сберег воду. Жара, духота и всепроникающая пыль сделали свое черное дело, и к полудню баклаги были пусты практически у всего отряда. Офицеры, судя по всему, тоже считали, что скоро будет возможность пополнить запасы и на свою беду не обращали на это внимания. Расплата за эту оплошность не заставила себя ждать. Прискакавший от Скобелева нарочный принес страшную в пустыне весть.

- Нет воды!
- Как?!!
- Текинцы отвели источники в пески!
- Зашибись, – резюмировал Будищев и, обернувшись к Нечипоренко, отрывисто приказал: – Ко всем бакам, бурдюкам и прочим емкостям приставить часовых! Хоть одна капля мимо пулеметов просочится, шкуру спушу!!!

– Есть.

– Как же теперь? – с тревогой спросил Шматов. – Ить пропадем!

– Каком кверху, – отрезал кондуктор, а немного погодя почти одобрительно добавил: – Грамотно воюют, сукины дети!

Дальнейший путь они проделали практически в полной тишине. Слышно было лишь тяжелую поступь солдат и лошадей да скрип колес.

– Глянь-ка, вашбродь, никак деревня? – подал голос кто-то из ездовых, завидев вдалеке невысокие глинобитные стенки строений.

– Походу, это аул Арчман, – заметил Дмитрий, встревоженно оглядываясь по сторонам.

– Вот и славно, – обрадовался Федор. – Стало быть, там вода есть.

– Если халатники никакой другой каверзы не удумали.

– Какой?

– Скоро узнаем.

Вдалеке послышались несколько выстрелов, а затем нестройный залп. Немного позже они узнали, что казаки застали в ауле небольшую партию текинцев, разбежавшуюся при первых же выстрелах. А пока солдаты прибавили шаг, взяв винтовки на изготовку. На окраине аула их встретил сам Скобелев в окружении свиты и конвоя.

– Веселей, мблодцы. Отдых близко!

По идее, слова генерала следовало встретить радостными криками «ура», но из пересохших глоток не могло вырваться ничего, кроме глухого сипения. Однако Белый генерал не стал пенять измученным подчиненным за подобное невнимание, а, дав шенкеля своему бело-снежному жеребцу, ускакал. Следом за ним унеслись его приближенные, оставив измученных жарой и долгим переходом солдат и казаков.

Увы, для отдыха времени не было. Ретировавшийся после недолгой перестрелки противник мог вернуться в любую минуту с подкреплением и смять оторвавшийся от главных сил крохотный отряд русских. Но если пехотинцев просто развели по дворам, наказав следить за окрестностями и в случае опасности обороняться, то артиллеристам и морякам пришлось готовить позиции: пробивать в глинобитных стенах амбразуры для пушек и пулеметов; разгружать снаряды и патроны, чтобы в случае нужды иметь их под рукой.

Рубить засохшую глину линнеманновскими лопатами¹⁰ для утомленных людей оказалось не самым простым делом, но Шеман с Майером были непреклонны, а что касается Будищева, то он счел, что, помимо основных позиций, необходимы еще и запасные, увеличив таким образом фронт работ как минимум вдвое.

– Что тут у вас, господа? – поинтересовался только что подошедший командир четвертой легкой батареи капитан Полковников.

Петр Васильевич Полковников, несмотря на молодость, был весьма опытным и грамотным офицером. Когда его командира – полковника Вержбицкого назначили начальствовать всей артиллерией в Закаспийском крае, он принял вместо него четвертую батарею. Под его руководством была принята новая материальная часть – современные стальные дальнобойные пушки, вместо прежних медных. Более того, несмотря на неполный комплект личного состава, новая техника была в кратчайший срок освоена солдатами и офицерами.

Надо сказать, что новые пушки, в отличие от легких горных орудий и митральез, вполне могли вести огонь поверх глинобитных заборов, чем весьма облегчили жизнь своим расчетам. По крайней мере, им не пришлось вырубать для них амбразуры, хотя совсем без дела они, разумеется, не остались. Строгий начальник всем нашел занятие, после чего отправился узнать,

¹⁰ *Лопата Линнеманна* – прообраз современной малой саперной лопатки. Названа по имени изобретателя Мадса Линнеманна.

что происходит у моряков. Внимательно выслушав доклад Шемана о ходе работ, он сдержанно похвалил их, особенно отметив полезность запасных позиций.

– Не подскажите, нашли воду? – спросил лейтенант, закончив доклад.

– К счастью, да, – кивнул артиллерист. – Текинцы не успели или не захотели зарыть колодцы и собирались испортить воду в них, кинув туда разлагающиеся трупы убитых ими здешних жителей. За этим занятием их и застали наши казаки.

– И как?

– Двоих подстрелили, остальные дали стрелкача. Но я, собственно, по другому поводу. Наверняка местные оставили и спрятали здесь запасы продовольствия. Теперь их надобно найти. Я намерен послать на фуражировку всех ездовых, и ваших тоже. Это приказ!

Поскольку ездовые для морской батареи были приданы как раз от четвертой батареи, возражений не последовало. К тому же поиски фуража или продовольствия были делом обыкновенным. Обычно его старались захватить и вывезти, а если не получалось, предавали огню. Главное было не допустить попадания припасов к противнику, а для этого все средства хороши.

– Есть, – ответил Шеман, приложив руку к козырьку фуражки. – Еще что-нибудь, господин капитан?

– Нет, то есть да. Если у вас нет поручений к кондуктору Будищеву, быть может, вы пошлете его вместе с ездовыми?

– Вы полагаете, он может быть полезен?

– Уверен в этом. Ваш подчиненный – прирожденный барантач. Если уж тут есть хоть что-нибудь, то он непременно найдет.

– Хорошо. Дмитрий Николаевич, вы слышали?

– Так точно, – хмуро отвечал Будищев, которому вовсе не улыбалось таскаться по окрестностям аула в поисках ухоронок, сделанных изобретательными туркменами.

Но делать было нечего, приказ есть приказ, и ему, откозыряв, пришлось отправляться на поиски «сокровищ местного Али-бабы».

– Послушай, а что значит «барантач»? – тихонько поинтересовался у него перед уходом Майер.

– Что-то типа грабителя, – буркнул он в ответ. – Ну или человек, который может все достать.

– Достать, это мне понятно, но отчего же сразу грабитель?

– Оттого, Сашка, что если есть добро, то у него по-любому имеется хозяин. А поскольку сейчас идет война... сам понимаешь.

– Это называется «реквизиция».

– Ага. Если ты у кого-то забираешь, то реквизиция, а если у тебя, грабеж!

– Кондуктор, вы еще здесь? – вопросительно приподнял бровь Шеман.

– Уже бегу, ваше благородие. Можно даже сказать, скачу!

Интуиция не подвела Полковникова. Действительно, прежде чем уйти, местные попытались спрятать свои припасы в неглубоких ямах, сделанных в разных укромных местах. Но замаскировать их как следует времени у них не было, так что импровизированные фуражиры быстро нашли несколько таких ухоронок, подчас в самых неожиданных местах.

– Все просто, братцы-кролики, – объяснял своим подчиненным Будищев. – Если земля мягкая, стало быть, там что-то зарыли. А если это настолько ценное, чтобы не лениться и закопать, значит, оно нам нужно! Это понятно?

В принципе, вчерашние крестьяне и сами бы неплохо справились с подобным заданием, но дело в том, что они были не единственными. Прочие военные, и в особенности казаки, были также не прочь пополнить свои запасы. Причем кубанцы частенько пытались отжать в свою пользу найденное другими. И вот тут Дмитрий оказался незаменим.

– Ишь какие, – закричал на только что окончивших раскопки солдат бородатый урядник-таманец. – Мы это первые нашли!

– С чего бы это? – возмутился тяжело дышащий ездовой. – Мы раскопали, стало быть, наше!

– Вольно же вам было жилы рвать, а только мы все одно первые!

– Слышь, Непейвода! – положил конец дискуссии вышедший из близлежащего дома Будищев. – Ну-ка вали отсюда, пока ветер без сучков!

– Чаво? – не повернув головы, отозвался казак.

– Я сказал, пошел вон!

Урядник на мгновение подобрался, как будто собираясь взяться за шашку, но затем узнал моряка, отличившегося на Бендессенском перевале, и расплылся в хитрой улыбке.

– Здоровеньки булы, Митрий Николаевич!

– И тебе не хворать, Петруха.

– Никак нашли чего?

– Нашли.

– Так поделились бы!

– А харя не треснет?

– Еще ни разу не треснула.

– Все равно перетопчешься.

– Ой, я, кажись, перепутал, – всплеснул руками казак, будто и впрямь ошибся и стал разворачивать своего коня. – Мы в соседнем базу¹¹ яму нашли, а не в этом.

– Ее и раскапывайте, – уже вслед ему ответил кондуктор, затем ухмыльнулся и покачал головой. – Вот же хитрожопый кубаноид!

Интересное дело, но после памятного боя у Бендессенского перевала и последующего скандала с Бриллингом рядовые казаки-таманцы относились к странному моряку, в одночасье ставшему известным, со своеобразной симпатией. А вот офицеры, особенно немцы с поляками, напротив, держались весьма отчужденно и даже враждебно. Впрочем, Дмитрию на их мнение было, по его выражению, глубоко фиолетово. Что в данном случае может означать этот цвет, никто толком не понял, но тем не менее многим оригинальный образ мыслей Будищева показался настолько интересным, что у него появились подражатели из числа молодых офицеров.

На следующий день поход продолжался. Маленький русский отряд упорно шел от одного брошенного селения к другому, лишь изредка встречая небольшие партии текинцев. Обычно такие стычки заканчивались недолгими перестрелками, после чего жители пустыни вихрем уносились прочь на своих быстроногих конях, оставляя преследовавших их казаков ни с чем. К двум часам пополудни они достигли аула Дурун, где и остановились на дневку. Вокруг селения были разбиты роскошные по здешним местам сады, разделенные между собой невысокими глинобитными заборами. В них и остановились на постой утомленные переходом войска.

– Воды опять нет, – тяжело вздохнул Шматов, присаживаясь в тень рядом с офицерами.

– Как это может быть? – возмутился Шеман, посмотрев на Федора так, будто это он был во всем виноват.

– Опять текинцы отвели, – развел руками денщик, успевший обежать все окрестности и все разведать.

– Черт знает что такое!

– Господа, – попытался перевести разговор на другую тему Майер. – Вы слышали, что в соседнем ауле наши имели перестрелку с противником и освободили пленника?

– Нашего? – ахнул сердобольный денщик.

¹¹ Баз – двор.

– Нет, кажется, персиянина.

– Все одно живая душа.

– Хитрозадые наши казачки, просто караул! – устало покачал головой Будищев, но, увидев вопросительные взгляды своих спутников, счел должным пояснить: – Освободили парня и тут же артиллеристам спланировали. Дескать, кормите тепер и поите болезного. Вон он на фургоне сидит и лыбится как пришибленный.

– Не бросать же его было?

– Тоже верно, – не стал спорить Дмитрий и, откинув голову на глинобитную стену, прикрыл глаза.

– Лучше скажите, кондуктор, – вернул его в реальность Шеман, – готовы ли позиции?

– Почти, господин лейтенант.

– В каком смысле почти?

– В том, что наши пулеметы установлены, осталось только скосить эту высокую траву, как ее...

– Джугуру?¹²

– Вот-вот.

– И в чем же задержка?

– Так косить нечем. У артиллеристов хоть сабли есть, а нам чем?

– Вот носили бы палаши, как оно полагается по форме, так и было бы чем! – не удержался от нотации офицер. – Берите хоть с гардемарина пример.

– Да уж, – в голосе Дмитрия послышалось раздражение, – много бы я накопил одним палашом...

– Никто не заставляет вас делать это самому. Дали бы его матросам, да и дело с концом.

– Хм, – шумно втянул в себя воздух Будищев, но затем, немного успокоившись, пришел к выводу, что никакого холодного оружия кроме кортика у него с собой все равно нет, а матросы прекрасно справятся и саперными или, точнее, линнеманновскими лопатками.

Как ни крути, а сидеть в тени было несравненно приятнее, нежели идти под палящим солнцем, и господа офицеры понемногу расслабились. К тому же матрос Абабков принес им чудом сохранившейся у гардемарина сельтерской воды, которой Майер щедро поделился с товарищами. Жара сразу показалась не такой уж и изнуряющей, а жизнь беспросветной.

– Ваши благородия, – отвлек их от приятного времяпровождения худой как жердь солдат с изможденным курносым лицом. – Сделайте божескую милость, прикажите дать воды!

– Ты чего, братец, какой еще воды? – не понял сначала лейтенант, с сожалением отставляя в сторону пустую бутылку.

– Не дайте пропасть христианской душе, – не слушая его, продолжал обезумевший от жажды стрелок. – Мочи нет больше терпеть!

– Он, верно, узнал, что у нас есть вода в баках, – тихо пояснил гардемарин.

– Даже не знаю, действительно, духота просто ужасная...

– Нет! – решительно поднялся Дмитрий. – Осади назад, пехота!

– Помилосердствуйте...

– Охолонь, парень. Скоро всем будут воду давать, тогда и попьешь!

– Явите божескую...

– Пошел вон, я сказал!

Тут ему на помощь пришли матросы. Услышав шум, они подхватили брыкающегося солдата и утащили от греха прочь. Тот некоторое время еще пытался сопротивляться, но вскоре затих.

¹² Джугура – кормовой злак из рода сорго.

– Фершала сюды! – закричал один из моряков, сообразив, что с пехотинцем случилось что-то неладное.

На зов тут же явился фельдшер – рослый брюнет с явно семитскими чертами лица. Представитель медицины с важным видом дал понюхать впавшему в беспамятство стрелку нашатырь, отчего тот сразу же открыл глаза, и у него пошла носом кровь.

– Будет жить, – удовлетворенно кивнул головой внимательно наблюдавший за этими манипуляциями Будищев.

– Случалось видеть такое прежде? – поинтересовался Шеман.

– Так точно. Солнечный удар.

– Может быть, все же можно уделить некоторое количество воды для питья? – робко спросил Майер.

– Нет! – отрезал Дмитрий.

– Кондуктор прав! – поддержал его решение лейтенант.

– Но почему?

– Саша, – устало вздохнул его бывший сосед по каюте, – у нас в отряде шестьсот рыл с гаком. Проглотят в один присест и не заметят, а без воды наши пулеметы – бесполезны!

Новость о том, что флотские не дали «пехоцкому» воды, разнеслась по их маленькому отряду почти мгновенно. Моряки вообще не пользовались популярностью среди чинов Русской императорской армии, а этот инцидент, безмерно преувеличенный молвой, симпатий им никоим образом не добавил. Так что теперь, стоило матросу появиться рядом с солдатами, его встречало настороженное, почти враждебное, молчание. Казалось, стоит проскочить малейшей искре и между участниками похода вспыхнет конфликт, но скованные железной воинской дисциплиной военные держали себя в руках. Ведь совсем рядом был настоящий и куда более опасный враг, готовый воспользоваться любой даже самой мельчайшей оплошностью «белых рубах», дерзнувших бросить вызов самым знаменитым воинам Средней Азии.

– Текинцы! – закричал часовой, скидывая с плеча винтовку. – Тревога!

И действительно, на дороге, ведущей к аулу, показался небольшой отряд вооруженных туркмен, во главе с седобородым стариком в ватном чапане и лохматой папахе. Увидев противника так близко, солдаты стали братья за оружие, не дожидаясь команды офицеров, после чего сами становились плечом к плечу, полные решимости отразить нападение. Матросы и артиллеристы также не остались в стороне и, бросившись к орудиям, были готовы накрыть неприятеля своим огнем.

– Отставить! – зычно закричал капитан Полковников, перекрывая всеобщий шум.

– Но почему? – удивился почти с детской обидой в голосе вставший к митральезе гардемарин.

– А ты посмотри внимательнее, – скривил в легкой усмешке губы Будищев.

– Куда?

– Так на деда, – показал рукой на предводителя степняков кондуктор, – видишь у него мусульманский Георгий на груди.

Как известно, туркмены вовсе не считали себя единым народом в то время, а делились на большое количество племен, часто между собой враждующих. Одни из них, впрочем, поддерживали текинцев в их борьбе с русскими, другие старались держаться нейтралитета. Но были и такие, что открыто выступили на стороне России. Именно такой отряд и появился сейчас подле русского лагеря. Командовал им самый знаменитый джигит из племени йомудов – Нефес-Мерген, награжденный георгиевским крестом еще во время экспедиции генерала Ломакина.

Нефес-Мерген был еще крепким стариком с суровыми и печальными чертами лица. Когда-то у него была семья, красавица-жена, дети, хозяйство, будущее... Все рухнуло в один миг, когда на их аул напали текинцы, и теперь он ненавидел их самой лютой ненавистью, какую только может испытывать человек, в одночасье лишившийся всего. Узнав, что занимавшиеся

перевозкой почты джигиты действительно убили русского казака, попытавшись свалить это преступление на текинцев, он пришел в ярость и сам вызвался покарать предателей. Особенно его разозлило то, что один из них был его дальним родичем. Поэтому старик поклялся не знать покоя, пока не привезет Белому генералу головы негодяев.

– Прости меня, сердар, – глухо сказал он, представ перед Скобелевым. – Эти трусливые шакалы сбежали в Денгиль-Тепе¹³, где укрылись от моего гнева. Я не привез тебе их головы.

Переводчик-киргиз тут же перетолмачил эту речь русским офицерам, постаравшись при этом разукрасить ее восточными пышностями, едва не похоронив смысл под нагромождениями слов. Так русский генерал стал величайшим сердаром, каких только видел свет, Нефес-Мерген – его нижайшим рабом, а текинская цитадель – сосредоточием напастей, посылаемых правоверным за грехи.

Впрочем, Михаил Дмитриевич имел достаточно опыта, чтобы понять главное:

– Не вини себя, храбрый старик. Если на то будет господня воля, то возмездие не минует предателей. Лучше скажи нам, что видел ты в своих странствиях. Велики ли силы текинцев? Кто их вожди? Поддержали ли их иные племена?

– Очень много, – отвечал тот. – К ним присоединились со своими отрядами Худеяр-хан, Нур-Верды-хан, а также сердары из Мерва и много других джигитов. Люди из всех окрестных аулов собрались в Денгиль-Тепе, чтобы сражаться вместе с ними.

– Хорошо, – кивнул неунывающий генерал. – Всех сразу и побьем!

– Если будет на то воля Аллаха, – с достоинством отвечал ему Нефес-Мерген.

– Что с источниками воды?

– Вода есть в Карызе, Келете, Егин-Батыре.

– Ну да. Мне про Арчман и Дурун тоже так говорили. Ну да ладно, можешь идти, старик.

Нефес-Мерген с непроницаемым видом выслушал Скобелева, после чего поклонился и вышел вон из дома, служившего русским штабом. Оказавшись снаружи, он дождался, когда наружу выйдет переводчик, после чего, не говоря худого слова, схватил нагайку и несколько раз огрел несчастного киргиза. Тот, видя такую немилость, и не подумал обороняться, а лишь умолял о пощаде, закрывая лицо руками.

– Зачем дерешься? – попытался урезонить туркмена командовавший часовыми Абадзиев.

– Зачем он переводил то, что я не говорил? – парировал хоть и на ломаном, но вполне понятном русском языке старик. – Я не называл этих шакалов величайшими воинами пустыни!

– Ты разве говоришь по-русски? – удивился осетин.

Однако суровый Нефес-Мерген не удостоил урядника ответом, а, расспросив о чем-то своем переводчика, вернулся к своим соплеменникам. Через минуту они вскочили в седла и умчались из аула прочь. Никто не знал, куда они направили бег своих неутомимых коней, пока через несколько часов по русскому лагерю не разнесся крик, больше похожий на стон:

– Вода!

– Где?! – встрепенулись даже самые флегматичные, поскольку за сотню верст вокруг не было ничего столь же ценного или более желанного, нежели глоток прохладной влаги.

Сбросив апатию, бежали они к старому арыку, по которому каким-то невероятным образом снова текла вода, казалось навсегда пропавшая в бесплодных песках. Как оказалось, джигиты Нефес-Мергена, узнав о затруднениях русских, нашли источник и сумели пустить воду в успешнее высохнувшее русло.

Казалось, ликование не будет конца. Обезумевшие от радости люди, смеясь, бросились к потоку мутной жидкости, некоторые стали плескаться ею друг в друга, другие спешили наполнять ею манерки и котелки, но тут перед ними выросла фигура доктора Студитского. Худой, в

¹³ Денгиль-Тепе – другое название Геок-Тепе.

потрепанном сюртуке и все еще с перевязанным ухом, он производил одновременно комическое и пугающее впечатление.

– Не смей ее пить! – неожиданно тонким голосом, почти фальцетом, завопил он и выстрелил в воздух из револьвера.

– Как не пить?! – повис в воздухе немой вопрос.

– Не пить ее сырой, – поспешил исправиться врач. – Иначе эпидемии дизентерии или еще чего похуже не миновать!

– Именно так! – подтвердил его слова вышедший на шум Скобелев. – Приказываю господам офицерам проследить, чтобы нижние чины не пили грязной воды, иначе как подвергнув ее кипячению!

Авторитет у Белого генерала был таков, что, несмотря на мучившую людей жажду, никто и не подумал ослушаться его в высшей степени благоразумного распоряжения. Скоро по всему лагерю были разожжены костры, на которых кипятили воду, готовили пищу и даже грели ее для желающих помыться. Повсюду слышались веселые разговоры, шутки и смех, а ближе к ночи, под бескрайним туркестанским небом раздалась песни. Кружившиеся вокруг Дуруна текинцы хорошо слышали, как поют эти непонятные пришельцы из далекой северной страны. Их песни были совершенно не похожи на местные, но от них веяло какой-то странной силой. Нельзя сказать, чтобы эти протяжные звуки внушили страх жителям пустыни. Вовсе нет. Но они ясно чувствовали беспокойство.

Русские люди вообще любят петь хором. Так они чувствуют себя единым целым. Только во время пения простой мужик от сохи, призванный на царскую службу из деревни, и офицер, воспитанный французским гувернером, могут мыслить одинаково, как будто они единый народ. Впрочем, пели в этот вечер далеко не все.

Дмитрий Будищев сидел у вырубленной в стене амбразуры, иногда настороженно поглядывая в окружающую их темноту. Вокруг аула горело множество огней. Ближние были кострами, горение в которых поддерживали назначенные в секрет солдаты и казаки. А дальние жгли текинцы, караулившие их и готовые при первой же оплошности «белых рубах» вцепиться им в горло.

Нельзя сказать, чтобы Дмитрия оставило равнодушным общее пение. Напротив, ему тоже хотелось петь вместе со всеми, но он не знал слов, да и не умел этого. Его максимумом была какая-нибудь шуточная или похабная частушка, но сейчас это прозвучало бы святотатством. Поэтому он сидел у пулемета и страстно желал, чтобы на них напали и вместо рвущего душу пения слышалась бесконечная пальба и взрывы, в клочья разорвавшие бы очарование ночи. Желал и одновременно боялся этого.

А на некотором расстоянии от него так же молча сидели Нефес-Мерген и его сородичи. Они тоже не знали русских песен, да те их и не интересовали. Они молча всматривались в ту сторону, где за темнотой пряталась их цель – Денгиль-Тепе.

Через шесть дней после выхода из Бами, проделав путь более ста верст в тяжелейших условиях пустыни, русский отряд оказался перед Геок-Тепе. Заняв без боя Егин-Батыр-Калу и Карры-Карыз, Скобелев оставил в первом маленький гарнизон из полуроты самурцев и одной картечницы, после чего повел свой отряд к вражеской цитадели.

Впереди, как обычно, шла кавалерия с горными пушками, затем пехота с фургонами Красного Креста, дальнобойной артиллерией и моряками. Со всех сторон их окружали небольшие разьезды текинцев, к которым иногда присоединялись целые толпы их соплеменников и делали вид, что собираются напасть. Обычно в таких случаях Скобелев приказывал стрелять по ним из пушек, после чего те бесследно рассеивались. Как правило, одного снаряда было достаточно, чтобы успокоить их пыл.

– Кажется, наши друзья совсем не ожидали такого увеличения дальности у ваших орудий? – с легкой усмешкой поинтересовался генерал у полковника Вержбицкого.

– Будут теперь знать, – отвечал ему начальник артиллерии, наблюдая за стрельбой.

Вержибцкому было почти семьдесят лет, и большую часть своей насыщенной военными приключениями жизни он провел на Кавказе, начав службу еще при Ермолове. Говорили, что за это время он участвовал не менее чем в сорока боях и сражениях. Так это или нет, никто толком не знал, а сам полковник только хитро улыбался, не говоря ни да, ни нет.

Между тем выпущенная из дальнобойного орудия граната прошелестела прямо над головами текинского разезда, после чего упала за холмом и разорвалась.

– Перелет! – недовольно бросил полковник. – Исправить дистанцию...

– Не стоит, – покачал головой Михаил Дмитриевич. – Видите, как удирают?

– Если вражеские наездники прятались за этим холмом, – с надеждой в голосе предположил артиллерист, – их там знатно покрошило.

– Как знать, – пожал плечами генерал. – Впрочем, насчет ваших молодцов, любезный Антон Игнатьевич, я слишком спокоен, чтобы настаивать на способах употребления в бою. Скажу лишь, чтобы артиллерия сосредотачивала сильный огонь и в соответствующий момент выбирала снаряд. Последнее особенно важно в здешней местности, где глинобитные стенки строений делают картечные выстрелы недействительными. Так же советовал бы, чтобы офицеры полевой батареи держали в известности моряков об исправлении дистанции. И вообще, помогали бы им в этом отношении, зная, что действие митральез по заранее измеренным дистанциям является неодолимым¹⁴.

– Слушаюсь!

Бой постепенно разгорался. Скоро все пространство вокруг русского отряда было заполнено туркменскими всадниками, пытающимися отеснить своего врага к горам, не давая подойти к цитадели. Тот тут, то там слышалась трескотня одиночных выстрелов, время от времени прерываемая винтовочными или орудийными залпами. Главные события происходили, конечно же, в авангарде, на который текинцы особенно наседали, но и в арьергарде скучать никому не приходилось.

Перед боем Шеман хотел было оставить Будищева с одной из митральез в Егин-Батыр-Кале, но наткнувшись на выразительный взгляд кондуктора, передумал и заменил его на Майера. Так что теперь Дмитрий шел с батареей, внимательно следя за кружащимися вокруг кочевниками. Рядом с ним все время крутился Шматов с готовым к бою «шарпсом», но пока до винтовки очередь не дошла.

– Снять с передка, – внезапно скомандовал он матросам.

Приказ был исполнен мгновенно, после чего Будищев сам встал за пулемет.

– Дистанция?

– Двести сажень.

– Врешь! – с досадой отозвался Дмитрий, нажимая на гашетку.

Расстояние и впрямь оказалось несколько меньше, но, сделав пару коротких очередей, он пристрелялся и обрушил на одно из скоплений текинцев свинцовый ливень. Попавшие под обстрел всадники один за другим валились на землю. Раненые лошади в испуге взвизывались на дыбы, выбрасывая из седел не ожидавших от них подобной подлости седоков. Но самое главное, никто не мог понять, что за напасть свалилась на их головы. Это не было похоже ни на артиллерию, ни на стрельбу из винтовок, с действием которых они были знакомы. Нет, это было что-то совершенно непривычное и оттого пугающее в своей безжалостности.

– Ну вот, кажется, отогнали, – хмыкнул окутанный клубами порохового дыма Будищев и прекратил стрельбу.

– Ловко, – похвалил Шеман. – Только в другой раз все же дождитесь команды.

¹⁴ Подлинные слова Скобелева. (Близко к тексту.)

– Слушаюсь, – не стал спорить Дмитрий, с беспокойством прислушиваясь к кипению воды в кожухе. После чего, развернувшись к матросам и ездовым, рявкнул: – Чего вылупились? Цепляйте агрегат и погнали дальше. Да новую ленту вставить не забудьте!

– Есть! – отозвались те и бросились к упряжке.

Морская батарея еще трижды открывала огонь, причем всякий раз из новой митральезы. На сей раз строгий кондуктор не стал стрелять сам, а проверял умения наводчиков и слаженность работы расчетов, лишь иногда подсказывая подчиненным. Оставшись в целом довольным, он все-таки на всякий случай посулил подчиненным при первой же оплошке спустить с них шкуру, после чего обернулся к лейтенанту.

– Правильно я говорю, вашбродь?

Но Шеман не слушал его, засмотревшись в другую сторону. Будищев также перевел взгляд вперед и увидел, что Скобелев вызвал ракетную батарею, и теперь она готовится дать залп по скопившимся впереди массам текинской конницы.

Казакам было не впервой использовать свои пороховые ракеты против необученного правильному строю противника. Шедшие в авангарде сотни расступились, давая установить станки. Вложить в них ракеты – дело нескольких секунд, после чего командовавший батареей офицер взмахнул саблей и... первая ракета разорвалась на месте, а вторая хоть и вылетела, но отчего-то развернулась и с неприятным шипением упала рядом с командиром. От неожиданности тот шарахнулся в сторону, едва не потеряв фуражку и саблю, на что тут же обратил внимание генерал.

– Поручик, надобно уметь умирать! – крикнул он и, неожиданно дав шенкеля своему белоснежному жеребцу, рванулся к продолжавшей шипеть ракете.

Из-за дальности расстояния моряки не смогли разобрать всех подробностей, но маневр начальника отряда не остался ими незамеченным.

– Куда его хрен понес? – недоуменно пробурчал Дмитрий, и в этот момент под конем Михаила Дмитриевича раздался взрыв.

– Скобелева убило! – прогремело над русским отрядом.

– Ездовые, в бога-душу-мать! – заорал что было мочи Будищев. – Марш вперед, чтобы стали перед нашими, а не то...

Не успев договорить, что же случится в таком пиковом случае, Дмитрий запрыгнул на ближайшую упряжку и вместе с ней понесся вперед. Счет шел на секунды...

Впоследствии злые языки не раз скажут, что Михаил Дмитриевич Скобелев нарочно лез на рожон, бравируя отвагой, носил щегольской белый мундир в бою, не жалел солдатской крови и, вообще, подвергал и себя, и своих подчиненных неоправданному риску. Надо сказать, что все это – чистая правда. Но правда так же и в том, что в подобных грехах можно было упрекнуть весьма многих генералов в сияющих мундирах, с одинаково равнодушным видом выслушивающих доклады об огромных потерях и свист вражеских снарядов. Но никого из этих, иной раз весьма прославленных полководцев так не любили солдаты, как самозабвенно и отчаянно любили они Белого генерала.

– Скобелева убило! – раздался панический возглас над маленьким русским отрядом, и тысячи голов синхронно обернулись вперед.

На месте, где только что гарцевал на горячем коне их вождь, прогремел взрыв, и поднялось целое облако густого дыма, заставив замереть в томительном ожидании одновременно более полутысячи сердец. Но что это? Дым развеялся, а Скобелев как ни в чем не бывало успокаивал своего скакуна, на белоснежном доселе брюхе которого показались кровавые пятна.

– Заговоренный! – выдохнули солдаты. – Ни пушки, ни пули его не берут!

– Что же вы, поручик? – с убийственным спокойствием обратился к командиру батареи генерал. – Командуйте!

– Да... то есть слушаюсь... ваше превосходительство, – растерянно пробормотал тот, то и дело поправляя фуражку на голове.

Впрочем, надобности в его участии не было никакой. Пока все вокруг в изумлении смотрели на чудом уцелевшего Белого генерала, казак-наводчик – единственный, кому удалось сохранить хладнокровие, продолжал свою работу. Перебрав несколько ракет в зарядном ящике, он выбрал наиболее на его взгляд исправную и, деловито заложив ее в станок, поджег фитиль. На сей раз все сработала штатно, и шипящий снаряд, оставляя за собой дымный след, влетел прямо в гущу текинской конницы.

– Що, не залюбив? – захохотал каким-то совершенно inferнальным смехом кубанец и, не теряя ни секунды, принялся устанавливать следующую ракету.

Чем хорош этот вид оружия против азиатской конницы, так это внешним своим эффектом. Дым, шипение и грохот производят на неискушенных подобным зрелищем простодушных жителей пустыни просто неизгладимое впечатление. Вот и на этот раз, после нескольких удачных попаданий, большая часть туркменов развернула своих коней и в панике вернулась в аул. Обрадованный успехом, Скобелев обернулся, чтобы снова дать команду «вперед!», и тут ему на глаза попались мчащиеся во весь опор упряжки морской батареи.

«Откуда вас черт принес?!» – читалось в его изумленном взгляде.

То, что они опоздали, Будищев понял сразу. Генерал был жив и здоров, никакой паники вокруг не наблюдалось, напротив, маленький русский отряд продолжал наступать, тесня превосходящие силы противника. Каждый был на своем месте, выполняя свой долг, и только один непутевый кондуктор полез, куда его никто не просил, напрасно взбаламутив и себя, и своих товарищей.

Следом за ними примчался разъяренный Шеман. Лейтенант, как выяснилось, тоже не был великим наездником, отчего не сразу справился с лошадей и появился перед Скобелевым хоть и ненамного, но все же позже своих подчиненных.

– Стой! – запоздало заорал он, но тут же наткнулся глазами на вопросительный взгляд генерала. Быстро сориентировавшись, офицер отдал честь и отрапортовал: – Ваше превосходительство, батарея митральез к бою готова!

– Да неужели?! – недобро усмехнулся Скобелев, сурово сдвинув брови.

К счастью для моряков, далеко не все текинцы дали деру после ракетного обстрела. Довольно большая их группа все еще продолжала дефилировать на виду у всех, время от времени постреливая в сторону русских. Поняв, что дело – дрянь, Дмитрий бесцеремонно выпихнул с места наводчика и, повернув массивный кожух пулемета на противника, дал длинную, во всю ленту очередь.

– Да куда ты палишь, – раздраженно начал генерал, но переведя взор на противника, тут же переменялся. – Однако!

Безжалостная свинцовая струя ударила в самый центр вражеской толпы, валя с ног одного за другим наездников и их лошадей. Наконец, немногие уцелевшие развернулись и поскакали прочь, оставив большинство своих товарищей на пропитанном кровью песке. Помимо Скобелева эту бойню увидели и казаки с солдатами, разразившиеся по этому поводу радостными криками.

– Ай, вовремя, ай да морячки! – не удержался от похвалы только что подъехавший Вержбицкий. – А ведь славно вышло!

– Вы находите?

– Конечно.

– В самом деле, – кутнул головой генерал. – Вот что, любезный Антон Игнатьевич, коли уж так все хорошо получилось, извольте вызвать и остальных своих подопечных. Для них есть работа.

– Слушаюсь, – вытянулся старый служака и, обернувшись к своему ординарцу, коротко велел: – Полковникова вместе с полубатареей сюда!

Скоро все четыре орудия были на позиции и открыли по окружающим их текинцам огонь. Шрапнель быстро разогнала окружавших русский отряд текинцев, а несколькими группкам, вздумавшим было укрыться в складках местности, не пожалели и гранат. Сделав всего двенадцать выстрелов, полубатарея совершенно очистила всю местность вокруг, после чего генерал дал своим войскам краткий отдых.

– Черт возьми, Будищев, какая нелегкая понесла вас вперед? – выговаривал тем временем своему подчиненному Шеман.

– Так получилось, – вздохнул тот.

– Полководцем себя возомнили? – не без яда в голосе осведомился лейтенант. – Тулон¹⁵ почували?

– Что? – не понял сначала Дмитрий, но потом в памяти сам собой возник образ нелюбимой учительницы литературы, князь Болконский, лежащий на поле боя, и непонятная фраза этого самого князя: «Как же выразится мой Тулон?»

– Нет, вашбродь, испугался, что без Скобелева не выстоим.

– А вы его замените!

– Что я, а вот три пулемета с короткой дистанции по атакующей коннице, это безнадежно. Если расчеты, конечно, мух не ловят.

– Господи боже, дай мне сил! В общем, так. Если вы, милостивый государь, еще хоть раз ослушаетесь приказа, я вас сам застрелю!

– Это правильно!

– Не юродствуйте, черт бы вас побрал! – взвился Шеман, после чего мстительно добавил: – Кроме того, по возвращению в Бами, вы – Будищев, отправитесь на трое суток под арест.

– На неделю! – раздался за его спиной голос Скобелева.

– Есть! – вытянулся кондуктор.

– И вы, господин лейтенант, тоже.

– Есть!

Пока солдаты отдыхали, штатный топограф экспедиции – капитан Софронов, и некоторые офицеры из штаба начальника отряда занялись съемкой местности и набрасыванием кроков текинской крепости и прилегающей местности. Заметив это, большой отряд текинцев снова вышел из аула и, укрывшись в прилегающих садах, начал их обстреливать.

Скобелев, в свою очередь, приказал немедленно выбить их оттуда, для чего выделили роту Красноводского местного батальона, державшуюся до сих пор в арьергарде, и потому не принимавшую активного участия в перестрелке с противником. Увы, это было не лучшим решением. Дело в том, что рота была сборной и входившие в ее состав солдаты и офицеры занимались до сих пор в основном гарнизонной службой и не имели настоящего боевого опыта. Кроме того, она была единственной из всего отряда, все еще вооруженной винтовками Крнка¹⁶.

Их противник, напротив, имел множество трофейных винтовок Бердана, куда более метких, скорострельных и дальнобойных. Поэтому нет ничего удивительного, что попал под огонь, непривычные к бою солдаты смешались и залегли в первом попавшемся арыке¹⁷. А когда командовавший ими поручик Владимиров попытался поднять их в атаку, они остались лежать.

– Поддержать бы их, – заметил наблюдавший за всем этим Будищев.

– Без приказа я и шагу не сделаю, – отрезал Шеман.

– Понятно.

¹⁵ Первая значимая победа Наполеона Бонапарта, после которой началось его стремительное восхождение к славе.

¹⁶ Переделочная винтовка системы Сильвестра Крнка.

¹⁷ Арык – оросительный канал.

– Вот и прекрасно!

Пока они спорили, на сложившуюся ситуацию обратил внимание и сам Скобелев. Не взяв с собой ни одного ординарца, он подскакал к месту боя и начал командовать:

– Встать! Смирно! На караул!

Ошалевшие солдаты вскочили и послушно проделали несколько ружейных приемов. Генерал все это время гарцевал перед ними, будучи превосходной мишенью для текинцев, но как ни странно, хотя вокруг него постоянно свистели пули, ни одна из них не задела ни самого Михаила Дмитриевича, ни его коня.

– Твою же мать, – только и мог сказать на это Будищев, одинаково сильно ненавидевший шагистику, атаки в плотном строю и винтовки системы Крнка в особенности.

– Эй, морячки, – окликнул их незаметно подъехавший полковник Арцышевский. – Ну-ка возьмите одну свою митральезу и поддержите красноводцев с фланга.

– Слушаюсь! – обрадованно гаркнул Дмитрий и хотел было кинуться выполнять, но задержался и вопросительно посмотрел на Шемана.

– Действуйте.

Засевшие в садах текинцы тем временем с немалым изумлением наблюдали за строевыми экзерцициями «белых рубах». Им, вольным детям пустыни, было трудно понять значение дисциплины, строя и тому подобных вещей. Они привыкли сражаться яростно, пылко, азартно, но при этом каждый сам за себя. И теперь крохотная горстка русских, состоящая из разных людей, но действующая при этом как единый организм, вызывала у них недоумение, переходящее в злость. Охваченные этим чувством туркмены усилили огонь, но странное дело. С тех пор как Скобелев поднял роту, ее как будто накрыл невидимый зонтик, и ни один из выполняющих строевые приемы солдат не был даже ранен. Пули летели все гуще, а эффект от этого становился все меньше.

К тому же занятые стрельбой текинцы не заметили, как несколько левее линии красноводцев на позицию встала митральеза. Прикинув расстояние, Будищев нежно, будто на плечи любимой женщины, положил ладони на рукояти и на выдохе вдавил большие пальцы в гашетку. Сложная машина в ответ послушно зарокотала, окутав своего создателя и одновременно стрелка клубами белого дыма.

Обрушившийся на текинских стрелков свинцовый ливень разом смел их с глинобитных стен, заставляя пригибаться, прячась от смертельной опасности. А на головы и плечи укрывшихся летели ошметки ветвей и листьев, покрывая их тела подобно савану.

– Ать-два, ать-два! – командовал приободрившимися солдатами Скобелев, и те несокрушимой стеной двинулись вперед.

– Стой! Заряжай! Целься! Пли! – махнул саблей генерал, и слитный залп шестилинейных винтовок влупил по притихшим жителям пустыни.

Не выдержав натиска и огня, те начали спешно ретироваться, не думая больше о продолжении перестрелки. Через несколько минут сады были совершенно очищены от неприятеля, и Красноводская рота с бравым видом и песнями вернулась к остальному отряду.

– Кто приказал? – тоном, не предвещавшим ничего доброго, поинтересовался Михаил Дмитриевич у моряков.

– Полковник Арцышевский! – отвечал ему вытянувшийся во фронт Будищев, преданно поедая начальство глазами.

– Ну-ну!

Наконец, рекогносцировка была окончена, и можно было возвращаться. Устроив напоследок артиллерийский налет на Денгиль-Тепе и его окрестности, русские построились в походную колонну и под звуки марша в исполнении оркестра дагестанского полка двинулись назад к Егин-Батыр-Кале.

Семьдесят гранат и сорок шрапнелей, обрушившихся на текинскую цитадель и ее окрестности, не смогли нанести значительных разрушений, однако вызвали немало жертв, в том числе среди женщин и детей, укрывшихся в безопасном, как им казалось, месте. Обозленные этими потерями туркмены тут же вышли из крепости и один за другим бросались на уходящий русский отряд. Однако с какой бы стороны ни нападали толпы текинцев, везде их встречали пушечные залпы и пулеметные очереди.

Постоянные взрывы, ружейная трескотня и музыка сливались временами в один непрерывный гул, отдававший какой-то фантазмагорией. Двигавшийся в арьергарде вместе со своим взводом Будищев успел потерять счет остановкам, во время которых он точным огнем отгонял наседавших врагов. Вода в кожухе постоянно кипела, механизм несколько раз заедал, но он, вертясь как белка в колесе, успевал доливать охлаждающую жидкость, чинить неисправности и стрелял, стрелял и стрелял.

Наконец, им удалось достичь лагеря и остановиться на отдых. Текинцы, только что буквально наступавшие русскому отряду на пятки, отошли за ближайшие возвышенности.

В Егин-Батыр-Кале Скобелевым был оставлен небольшой гарнизон во главе с войсковым старшиной Верещагиным¹⁸. Пока основные силы ходили на рекогносцировку, оставшиеся как могли укрепились в брошенном текинцами ауле, заготовили топлива для костров, разложили их на точно отмеренном расстоянии от лагеря и все это под постоянным наблюдением противника. Все время, пока продолжались работы, вокруг крутились небольшие группки вражеских всадников. Иногда они соединялись между собой и пытались напасть, но русские тоже не дремали и встречали джигитов картечью или слаженными ружейными залпами. Как правило, одного такого «вразумления» оказывалось вполне достаточно, и волна атакующих бессильно откатывалась назад, снова разбившись на несколько мелких кучек.

Все это время гардемарин Майер страстно желал только одного, чтобы текинцы подошли, наконец, к его огневому рубежу и дали ему возможность отличиться. Но, увы, их либо раньше рассеивал меткий огонь двух горных пушек, приданных их маленькому гарнизону, либо несносные жители пустынь нападали с другой стороны и отступали прежде, чем моряки успевали развернуть и приготовить к стрельбе массивную митральезу. Точнее массивным и неудобным был колесный станок, на котором вполне могло бы разместиться какое-нибудь более солидное орудие, скажем, трехфунтовка.

Все же ему удалось дать в сторону текинских всадников пару очередей, от которых, по словам крутившегося рядом вестового Абабкова, «самый что ни на есть, главный текинский князь скопытился». Все же столь скромный вклад в общее дело вовсе не показался гардемарину достаточным, и он с нетерпением ожидал возвращения товарищей, чтобы узнать подробности дела. Впрочем, подобное нетерпение сжигало не только его.

– Ну как там? – лихорадочно спрашивали они у возвратившихся в лагерь.

– Крепко жмет, текинец! – устало отвечали им «счастливики». – Однако же и мы им высыпали!

– Это правильно!

– Все ли благополучно? – осведомился Майер у только что появившегося Шемана.

– Недурно, – отчего-то необычно сухо отвечал тот, спешиваясь со своего Буцефала.

Затем, глядя на младшего товарища, немного смягчился и уже обычным тоном добавил: – Потерь почти нет, механизмы митральез работали вполне исправно, а об остальном можете осведомиться у своего приятеля.

Будищев вошел в лагерь последним, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. Лицо его было необычайно чумазо от порохового дыма и пыли, но вместе с тем совершенно спокойно

¹⁸ *Войсковой старшина* – казачий подполковник. Верещагин А. В. – родной брат художника-баталиста.

или, даже можно сказать, безмятежно. Рукав чекменя порван пулями, но сам он, судя по всему, невредим.

– О, Сашка! – ухмыльнулся он, сверкнув белоснежными на фоне испачканной физиономии зубами. – Небось, соскучился?

– Есть немного. Все ли целы?

– Наши все. Только Нечипоренко пуля на излете за щеку зацепила. Вон идет, репу морщит.

– Я смотрю, ты ему совсем не сочувствуешь?

– С хрена ли? Нечего было такую ряху наедать!

– Пить хочешь?

– И есть тоже. А еще хорошо бы баньку, да чтобы молодуха с веником попарила! Впрочем, можно обойтись и без веника...

– Эко ты хватил, брат.

– Ну, или хотя бы умыться.

– Вот это можно устроить, – улыбнулся гардемарин и кликнул вестового.

– Абабков! Приготовь воды для господина кондуктора.

– У них свой слуга имеется, – проворчал вполголоса матрос, но спорить не стал.

И скоро скинувший с себя верхнюю часть одежды Будищев, фыркая от удовольствия, умывался нагретой под горячим туркменским солнцем водой.

– А как тебе показалось в бою, Федя? – спросил у скромно сидящего в сторонке Шматова Майер.

– Как вам сказать, вашбродие, – пожал плечами бывший ефрейтор. – Стреляють, убивают... такого я ишо в Болгарии досыть насмотрелся.

– Но все же там были турки, а тут – туркмены.

– Башибузуки, они и есть башибузуки. Никакой разницы.

Тем временем суета, вызванная возвращением отряда, понемногу спала. Было очевидно, что раздосадованные большими потерями текинцы не оставят русских в покое и ночью непременно случится нападение, а потому уставшие за день люди, по-быстрому утолив голод и жажду, пытались хоть немного отдохнуть. Не были исключением и моряки, устроившиеся прямо у своих митральез. Впрочем, так повезло далеко не всем.

– Будищев! – поднял придремавшего кондуктора голос Шемана. – Возьмите троих матросов по вашему выбору и заступайте в секрет.

– Слушаю, ваше благородие, – отвечал тот, с трудом удержавшись от зевка.

– Займите место перед позициями. Правее от вас встанут казаки, а слева самурцы. В случае нападения подожжете костры. До них ровно пятьсот сажений, и они послужат нам ориентиром.

– Понятно.

– Очень надеюсь, – с непередаваемой интонацией отозвался лейтенант, но Дмитрий, знавший про секреты и засады больше, чем моряк мог себе представить, не стал разводить дискуссии, а просто повернулся к подчиненным и коротко спросил:

– Кто со мной?

– Я, – тут же подскочил вроде бы спавший без задних ног Шматов.

– Ты – не матрос!

– Все одно пойду! – набычился Федор.

– Кто еще?

– Я, – поднял руку Нечипоренко и страдальчески потрогал перевязанную щеку.

– Хороша компания, – покачал головой кондуктор, после чего пришел к выводу, что для демократии русский народ еще не созрел, и пальцем ткнул в двух матросов: – Ты и еще ты, за мной!

Вскоре темнота накрыла притихший лагерь своим покрывалом. Костры, разведенные для приготовления пищи, догорели, и только неполная луна продолжала освещать бивуак своим тусклым светом. Однако после полуночи закатилось и «волчье солнышко», оставив за себя лишь необычайно яркие звезды, равнодушно вззирающие на землю из мрачных глубин космоса.

Будищев и подчиненные ему матросы расположились в небольшом природном углублении подле бархана, напряженно всматриваясь в темноту. Точнее, напрягали зрение только матросы, привыкшие к этому на кораблях, а Дмитрий со Шматовым, прекрасно знавшие, что если долго пялиться в темноту, в ней скоро черти померещатся, больше полагались на слух.

– Кажись, крадутся! – едва не подскочил молодой матросик, услышавший характерное шуршание.

– Тихо, мать твою! – придавил его к земле кондуктор и еле слышным шепотом добавил: – Сам чую.

В самом деле, к ним крадучись приближалась целая толпа спешившихся ради такого дела текинцев. Среди них были самые разные люди, от почтенных старцев, чей земной путь уже близился к завершению, до совсем еще безусых юнцов, даже не подозревающих, что могут остаться здесь навсегда. От вооруженных до зубов нукеров местных беев до бедных пастухов, единственным оружием которых был простой кинжал. Кто-то потерял своих близких при последнем артобстреле, а иной всю жизнь прожил разбоем на большой дороге. Объединяла их всех только ненависть к непонятным пришельцам с далекого севера, пришедшим в их дом и желающим теперь установить в нем свои порядки. Как тени скользили они в ночи, пока один из них не зацепил ногой за натянутую на невысоком колышке бечевку, к которой были привязаны консервные банки из-под сардин. Среди офицеров эта рыбка, затейливо приготовленная и упакованная французами, была излюбленным лакомством в походе. Жестяная тара потом выкидывалась, а рачительный Федька собирал ее для каких-то своих надобностей. Но нынешней ночью Будищев нашел для них новое применение.

Противное дребезжание прогремело в окружающей их тишине подобно грому среди ясного неба, а вслед за этим тут же раздалось несколько одиночных винтовочных выстрелов, которые тут же перекрыл знакомый жителям оазиса рокот митральезы.

Будищев успел осмотреть доставшуюся ему позицию еще вечером при свете заходящего солнца и тут же понял, как именно будет наступать их противник и где можно расположить пулемет на треногом станке. Следовало конечно же доложить эти соображения Шеману, а если тот не даст разрешения, то и полковнику Вержбицкому, а при необходимости дойти и до самого Белого генерала, но Дмитрий не любил беспокоить начальство по пустякам. Поэтому он просто приготовил позицию, а как только наступила темнота, добавил к получившейся картине маслом последние штрихи. И вот теперь оставалось только вести кинжальный огонь по противнику, имевшему неосторожность подойти слишком близко.

Разумеется, он знал, что рискует. Мог подвести сложный механизм, или случиться перекос ленты, или они могли тупо заснуть после тяжелого дня и проворонить нападение, и тогда могло случиться все что угодно, но... не случилось. Так что теперь установленная низко над землей адская машина снимала кровавую жатву, срезая подбегавших джигитов, как колосья спелой пшеницы, а превратившийся с ней в одно целое Дмитрий стрелял, успевая при этом понукать матросов и Федьку, чтобы они как можно скорее набивали опустевшие ленты патронами.

После первых же выстрелов, прозвучавших в ночи, пехота поднялась в ружье, а артиллеристы стали к пушкам, загодя заряженным картечью. Находившиеся в секретах караульные успели запалить костры, в неровном свете которых стали видны целые толпы наступающих врагов.

– Огонь! – раздалась команда офицеров, и слитный залп винтовок и пушек разорвал ночь напополам.

Выстрелы, взрывы, яростные крики атакующих и жалобные стоны умирающих на какое-то время слились в один протяжный вой. Текинцы наступали с трех сторон, но везде их встречали только пули и картечь, косившие храбрых воинов одного за другим. Вожди все время пытались ободрить своих джигитов и снова послать в бой, но их бешеный натиск так и не смог преодолеть непоколебимой стойкости русских.

Уже светало, когда текинцы пошли в третью самую отчаянную атаку. Расстояние между противоборствующими сторонами сокращалось иной раз до полусотни шагов, и уже казалось, что неудержимая волна вот-вот захлестнет маленькую кучку гяуров, дерзнувших бросить вызов храбрейшим витязям Средней Азии. Но всякий раз она разбивалась об них, как о гранитную скалу и тут же откатывалась назад, но лишь для того, чтобы через минуту собраться с силами и броситься снова.

Однако человеческим силам есть предел, и для текинцев он наступил раньше, чем для русских. Взошедшее солнце осветило поле битвы, и от увиденной картины даже в самом отчаянном сердце мог поселиться страх. Все пространство вокруг аула, сколько мог видеть глаз, было усеяно трупами туркмен, но особенно густо они лежали перед секретом моряков. Их было так много, что это зрелище тут же привлекло внимание самого Скобелева, немедленно подъехавшего туда.

– Четг возьми! – только и смог вымолвить генерал, немного картавивший от волнения.

– Вот примерно так это и работает, ваше превосходительство, – устало доложил Будищев, отдавая честь.

– Невероятно!

– Рады стараться!

– Послушайте, кондуктор... каким образом ваша, э... митральеза, оказалась так далеко от позиций?

– В пылу боя, ваше превосходительство!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.